

Валерий Шашин

КРУ-У-ГОМ!
пьеса в двух действиях

Москва
Издательство «БПП»
2009

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

МИХАИЛ ШИБАНОВ — отставной майор

МАРК ТОПОЛЕВ — разорившийся предприниматель

Место действия — дом ШИБАНОВА, где на придирчивый глаз всё, возможно, сработано топорно, кустарно, однако же добротно и прочно.

Обилие двухъярусных кроватей вдоль стены и выдвинутый на середину длинный трапезный стол придают помещению вид казармы. Наверх ведёт широкая, надёжная лестница.

Действие пьесы происходит в реальном времени.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Зимняя ночь, очень светлая от луны и снега. В доме отчётливо видны все предметы. Со второго этажа доносятся рулады мощного храпа. С улицы слышатся шаги, скрипуче-вжикающие на морозно-снежном насте. Храп прекращается. На лестнице появляется наспех одетый МИХАИЛ. В одной руке у него переломленное ружьё, в другой — патроны. Осторожно всматриваясь в окно, МИХАИЛ заряжает ружьё и выходит на улицу. Вскоре конвоирует в дом продрогшего МАРКА, который, хотя и с поднятым над головой портфелем, пожалуй, даже и рад, что его ведут в тепло.

МИХАИЛ. Шагай-шагай! И руки — в гору. В гору, я сказал! *(Стволом подталкивает МАРКА.)*

МАРК *(с поднятыми руками)*. Вы напрасно беспокоитесь: я — хозяин!

МИХАИЛ. Чего? Хозяин ещё нашёлся!

МАРК. Серьёзно! Это мой участок! С баней который!

МИХАИЛ *(не сразу)*. Оружие есть?

МАРК. Какое оружие? Я же вам говорю... *(Намеривается повернуться.)*

МИХАИЛ. Стоять! *(Вскидывает ружьё.)* Баул — на пол! Ну!

МАРК подчиняется.

МИХАИЛ. Медленно опускать. Молодца! А теперь шаг вперёд и к стене раком!

МАРК. Раком?

Поворачивается к стене задом и нелепо растопыривается, подаваясь головой и грудью вперёд.

МАРК. Так?

МИХАИЛ. Дубина! Наоборот!

МАРК. Ах, наоборот! *(Меняет положение.)* Вы же сами сказали: к стене этим самым...

МИХАИЛ. Этим самым! А соображаешь ты тоже «этим самым»?

Подходит к МАРКУ и начинает его устанавливать.

МИХАИЛ. Ноги — на уровне плеч! В поясе согнулся! Глубже, глубже! Руками упёрся в стену! Вот!.. А то отклячился... «этим самым»!

МАРК. Ваши предосторожности излишни...

МИХАИЛ. Стоять! *(Хлопает МАРКА по спине.)* Здесь я решаю, что лишнее, а что в самый раз! Усёк?

Приступает к обыску.

МАРК. О, Бог ты мой! *(Смирившись.)* Паспорт — в правом кармане *(подрагивает правым плечом)*, а документы на участок *(тянется ногой)* — здесь, в портфеле...

МИХАИЛ. Стоять?! *(Ударяет по ноге.)* Психованный, что ли, под стволом дергаешься?

МАРК. Я не дёргаюсь, я помочь хочу... Побыстрее чтоб...

МИХАИЛ. Торопишься куда-нибудь?.. *(Вынимает и раскрывает паспорт.)* Марк Семёнович... Еврей?..

МАРК. Это вы из такой позиции рассмотрели? Еврей! Если угодно.

МИХАИЛ. Тополев к тому же! *(Хмыкает.)* Ну и ну!

МАРК. Вас не устраивает моя фамилия?

МИХАИЛ. Какая же это фамилия?

МАРК. А что же это?

МИХАИЛ. А ты не знаешь? *(Всовывает паспорт обратно.)* Самый типичный псевдоним!

МАРК. Ничего подобного! Тополев — не псевдоним!

МИХАИЛ. Не свисти!

МАРК. В каком смысле?

МИХАИЛ. Есть такая птичка в Средней Азии. «Не свисти» называется. Слышал?

МАРК. Не слышал. Но я говорю правду! Не свищу!

МИХАИЛ. Вот и не свисти. А если еврей, так имей мужество признаться!

МАРК. Я и признаюсь! Еврей! Пусть будет по-вашему! Но Тополев — действительно фамилия! Отцовская! У нас же папа был практически русский!

МИХАИЛ. Как это — практически?

МАРК. Практически как? Да никак! Русский и русский!

МИХАИЛ. А у кого это «у нас»?

МАРК. «У нас» у кого? Я имею в виду нас... с мамой... Слушайте, а нельзя ли, в конце концов, поменять позу? Мне же крайне неудобно вообще-то!..

МИХАИЛ. Кру-у-гом!

МАРК. А? Вы что-то сказали?

МИХАИЛ. Кругом, говорю, Марик! Так ведь тебя «по-вашему-то» кличут!

МАРК *(с достоинством)*. Во-первых, меня не кличут, а зовут, а во-вторых...

Поворачивается.

МИХАИЛ. Оглобля! В армии не служил, сразу видно!

МАРК. Опять что-то не так?!

МИХАИЛ. Команда «кругом» через какое плечо выполняется? *(Назидательно.)* Через левое!

МАРК. Да? А я через какое? Через правое?

МИХАИЛ. Смотри, как надо. *(Берёт ружьё «на караул».)* Кру-у-гом! *(Поворачивается.)* Кру-у-гом! *(Поворачивается.)* Понял?

МАРК. Вот если бы все штатские строем ходили, да?

МИХАИЛ. Размечтался! *(Протягивает ружьё МАРКУ.)* Давай... теперь ты попробуй.

МАРК. Зачем? *(Берёт ружьё и удивляется ещё сильнее.)* Зачем?!

МИХАИЛ. Для науки. В жизни всё может пригодиться.

МАРК. Вы это серьёзно, не шутите?

МИХАИЛ. Какие могут быть шутки? На пле-е-чо! *(Устанавливает ружьё на плече МАРКА, отходит.)* Кру-у-гом!

МАРК. Но я же не умею!..

МИХАИЛ. Не тяни вола, Марик... Кру-у-гом!

МАРК. С ума сойти!.. Но если вы настаиваете... *(Поворачивается.)* Пожалуйста...

МИХАИЛ. Разговорчики! Кру-у-гом!

МАРК. Ещё хотите? *(Поворачивается.)* Разве только для вас...

МИХАИЛ. Молодца! А теперь молча, чётче: «Кру-у-гом! Кру-у-гом! На месте: шагом марш! Стой! Раз, два! Кру-у-гом!»

МАРК. Даже голова закружилась. *(Отдаёт ружьё МИХАИЛУ.)* Спасибо!

МИХАИЛ. Что-то скоро она у тебя закружилась. Больной, что ли?

МАРК. Почему больной? Нет. *(Поспешно.)* Но и не очень здоровый чтоб!..

МИХАИЛ. Косил, наверно, от армии... Угадал? Точно косил!

МАРК *(осматриваясь)*. Ну, не то что бы косил... Учился, скорее... Образовывался!

МИХАИЛ. Ясное дело! А мы за таких, образованных, вкалывали с полной выкладкой!

МАРК. В каком смысле?

МИХАИЛ. Что такое марш-бросок знаешь?

МАРК. Теоретически...

МИХАИЛ. Теоретически! *(Отставляет ружьё.)* Ладно уж, докладывай какого рожна по чужому участку шастаешь?.. *(сверяется с часами)* В девятнадцать двадцать...

МАРК. Во-первых, я не шастаю, а во-вторых... товарищ военный...

МИХАИЛ. Майор. Если хочешь по званию обратиться.

МАРК. А по имени отчеству?.. Чин не позволяет?

МИХАИЛ. Почему же? Михал Федоровичем зови. Да можешь просто — Михаилом. Мы ж годки почти, мне тоже сорок два летом стукнет.

МАРК. У-у! Сорок два! Мне сорок четыре уже грядёт, сорок четыре!

МИХАИЛ. Обратил внимание. Чуток постарше будешь.

МАРК. Но не по званию! *(Поднимает значительно палец.)* А касательно вашего беспокойства, товарищ майор, имею честь доложить следующее: во-первых, не шастую, как вы изволили выразиться, а хожу, а во-вторых, не по чужому, заметьте, а по своему собственному, пардон, участку. Причём на совершенно законных, так сказать, основаниях. Документацию желаете посмотреть? Извольте! Имеется и документация! *(Подходит к портфелю, копается.)* У нас всё имеется, на все случаи жизни бумажки припасены... Пожалуйста! *(Поддаёт бумагу.)* Вот!

МИХАИЛ *(не прикасаясь)*. Дали ему год.

МАРК. В каком смысле?

МИХАИЛ. А он два отсидел и вышел.

МАРК. Это поговорка такая?

МИХАИЛ. Поговорка. Ты сколько здесь не был? Лет восемь, наверно, не меньше? Да какой там! Я уж тут седьмой год трублю!

МАРК. Что-нибудь изменилось?

МИХАИЛ. Дурацкий вопрос! По-твоему, всё течёт и ничего не меняется, да?

МАРК. Оставим Гераклита в покое! Что-то случилось, да? Что? Не тяните же! Видите, я же страшно волнуюсь!

МИХАИЛ. Волнуется он! Волноваться теперь нечего. Да и вообще...

МАРК. Что вообще? Говорите же, — прошу вас! — говорите!

МИХАИЛ. Да что теперь говорить?.. В общем... В общем, я тебе так скажу, Марк Семёнович: напрасно ты сюда возвернулся, зря!

МАРК. Зря?

МИХАИЛ. Сидел бы спокойно в своём Израиле!..

МАРК. Я не был в Израиле...

МИХАИЛ. Ну в Америке! Или ещё где-то там... за кордоном!

МАРК. Я не был ни за каким кордоном! С чего вы взяли?

МИХАИЛ. А где ж ты тогда столько лет ошивался? Срок тянул, что ли?

МАРК. Ничего я не тянул! Никакого срока, слава Богу... Я работал!

МИХАИЛ. Восемь лет? Без выходных и праздников?

МАРК. Почему без праздников? А в сущности... можно сказать, и так... Вас это удивляет?

МИХАИЛ. Темнишь ты что-то, не договариваешь.

МАРК. Я не темню, честно!.. Я действительно работал!

МИХАИЛ. Не хочешь, не говори — дело твоё! Но факт остаётся фактом: ты — где-то там, неизвестно где ошиваешься, а участок твой — здесь! у нас! А у нас здесь, сам знаешь — Положение!

МАРК. Какое положение?

МИХАИЛ. А ты, конечно, не в курсах? Хитёр-бобёр! Но, между прочим, незнание закона...

МАРК. Какое положение?!

МИХАИЛ. Обыкновенное положение. Уставное. Если участок в течение двух лет не обрабатывается, если на нём нет капитальных строений, то Правление имеет право его отобрать. Сечёшь?

МАРК. Секу! Это положение я, допустим, действительно знаю... слышал... Но оно же меня не касается, верно? У меня же есть капитальное строение — баня!

МИХАИЛ. Ты в этом уверен?

МАРК. Конечно! Как же иначе? *(Подходит к окну, показывает.)* Вон же она стоит... моя баня!.. Вон!

МИХАИЛ. Вот теперь и жалуйся в ООН!

МАРК. В ООН? А причём тут ООН?

МИХАИЛ. Ну в Страсбургский трибунал, или ещё куда!.. В Юнеско!

МАРК. Да причём тут Юнеско?!

МИХАИЛ. А притом, что ты мне в окошко не показывай, где что стоит. Я здешнее месторасположение лучше твоего знаю, слава Богу, вырос тут, родился. *(Подходит к столу, тычет в бумагу.)* Ты вот где мне свою баню покажи! В документации, как ты изволишь выразаться! Значится она в твоей документации, нет? В БТИ оформлена? Вот то-то и оно! Ни черта она у тебя нигде не значится, никак не оформлена! А коли так, — чего же ты, голубь сизокрылый, тогда хочешь? — участок можно считать безхозным. Каковым его, естественно, и посчитали!

МАРК. Кто посчитал?

МИХАИЛ. Известно кто — Правление!

МАРК. А баня?

МИХАИЛ. Какая баня?

МАРК. Моя баня!

МИХАИЛ. Документ предъяви.

МАРК *(не сразу)*. Но это же произвол. Ограбление!

МИХАИЛ *(раздумчиво)*. Не нравится, значит, когда у вас отбирают, а когда сами...

МАРК. Я у вас что-нибудь отобрал?

МИХАИЛ. А то нет, что ли?

МАРК. Что?

МИХАИЛ. Родину!

МАРК. Вы сумасшедший?

МИХАИЛ. Ну, конечно, как про Родину, так сразу сумасшедший.

МАРК *(кричит)*. Да причём тут ваша родина, когда речь идёт о моей бане?!

МИХАИЛ. Когда речь идёт о твоей бане, то родина, конечно, не причём! Это ты верно подметил.

МАРК. Нет, вы всё-таки ненормальный! Вы хотя бы соображаете, о чём вы вообще говорите? Это же моя личная собственность! Я её лично строил!

МИХАИЛ. Ну, лично, положим, ты её не строил, это уж ты не свисти...

МАРК. Что, значит, не свисти! Маркелыч с бригадой строил... На мои деньги!

МИХАИЛ. Вот! Это уже ближе к истине — на твои деньги.

МАРК. Разумеется, на мои! На чьи же ещё-то? Здесь, между прочим, вообще ничего ещё не было! Поля кругом стояли! Кукуруза с подсолнухами!

МИХАИЛ. Тут, между прочим, усадьба была. Наша, совхозная!

МАРК. Я и говорю... Строиться у озера вообще не разрешали. Я первый пробил! Огромными усилиями, между прочим! И взятками, если уж на то пошло! По тем временам — весьма даже и приличными!

МИХАИЛ. Значит, с тебя всё началось тут... строительство?

МАРК. С меня! Конечно, и другие были... Но в общем и целом — с меня!

МИХАИЛ. Зачинщик, значит... Взятки давал...

МАРК. Ну, не чтобы очень... Я не один был... Правление!..

МИХАИЛ. Правление! А о нас, аборигенах, правление ваше подумало?

МАРК. В каком смысле?

МИХАИЛ. В прямом! Мало того, что совхозную собственность хапнули, так ещё со всех сторон заборами окружили — к озеру не прорвёшься! А нам что, подышать теперь? Без воды жить?

МАРК. Почему без воды?

МИХАИЛ. Так ведь частную собственность друганы твои объявили! Владения! Ни рыбы половить, ни искупаться! И это на своей-то земле! Видано ли?

МАРК. Так вы потому мой участок отобрали, чтобы без озера не остаться?

МИХАИЛ. Ну!.. потому не поэтому... Говорю же: Положение у нас... Участок безхозный, капитальных строений нет!..

МАРК. Да как же так нет, дорогой товарищ майор? Баня же стоит! Вы же сами видите!..

МИХАИЛ. Опять он мне рыбу за мясо! Тебе же русским языком объяснили.

МАРК. Да что мне ваши объяснения! Смешно даже... Все ваши действия просто не законны! Вот документы на участок, вон он сам... с баней!.. (*Решительно.*) Так!.. Кто сейчас председатель вашего правления, кто?

МИХАИЛ. Перед тобой.

МАРК. Что передо мной? Вы? Председатель правления — вы?

МИХАИЛ. Не подхожу? Не глянусь?

МАРК. Перестаньте! Нашли тоже время паясничать! Я же, в конце концов, пострадавшая сторона... Жертва! А вы их защищаете!.. Или вы с ними заодно? Одна шайка-лейка, да?

МИХАИЛ. Скучно с тобой. Может, скажешь, что надо да отвалишь по добру-поздорову?

МАРК. Во-первых, соблаговолите сообщить мне, кто приобрёл мой участок! Как должностное лицо, как председатель, вы обязаны предоставить мне полную информацию! Незамедлительно! Кто?

МИХАИЛ. Вы сейчас будете громко смеяться, Марк Семёнович, но это снова я!

МАРК (*вздывая руки*). Ну, разумеется! Нетрудно было и догадаться... Одной рукой постановил, другой подписал, и участок с банькой притибрены. Отлично сработано, просто отлично!

МИХАИЛ. Видишь, а ты огорчился.

МАРК. Ничего! Это даже и хорошо. Легче будет доказать вашу полнейшую причастность к этой подлой сделке!..

МИХАИЛ. Валяй, Марк Семёнович!. Только учти, когда эта подлая сделка свершалась, председателем правления был не я.

МАРК. Неважно, дорогой мой, неважно! Это уже абсолютно неважно. Главное, факт налицо — всё в одном флаконе!

МИХАИЛ. Ну всё тогда? Во всём разобрались, всё выяснили... (*Показывает на дверь.*) Обниматься не будем?

МАРК. Подождите! Я же ещё не закончил... с вами.

МИХАИЛ. А я закончил!

Наступает на МАРКА.

МАРК (*пятится к двери*). Вы меня, конечно, можете выгнать, но неприятности я вам твёрдо гарантирую! И не маленькие!

МИХАИЛ. Ты тут, Марик, громко не вякай. Я здесь — на своей земле!

МАРК. Посмотрим, кто на чьей!

Подхватывает портфель.

МИХАИЛ. И смотреть нечего. Всё твоё здесь давно кончилось. Раньше нужно было чесаться.

МАРК. Посмотрим, посмотрим, кто из нас зачесется. На суде!

МИХАИЛ. Вот только не надо Шуриков ловить. Мы здесь тоже не пальцем деланные, по уставу живём. А ты только лишний геморрой наживёшь. Или ещё что похуже.

МАРК. Вы мне угрожаете?

Ставит портфель на пол.

МИХАИЛ. Да Боже меня упаси! Зачем? Ты же сам говоришь, здоровье у тебя квелое, головка вот чуть что кружится... А начнёшь по судам мочалиться и вовсе изведёшься! Глядишь ещё, инфарктий ненароком хватит, или инсультий, чего доброго, долбанёт. А оно тебе надо, такое счастье?

МАРК. Вы за меня не беспокойтесь! На вас у меня здоровья хватит!

МИХАИЛ. Ну рвись тогда, коль себя не жалко. Всё одно ничего не докажешь.

МАРК. Докажу! Легко докажу. Дело яснее ясного. И свидетели отыщутся. Да хоть тот же Маркелыч!

МИХАИЛ. На Маркелыча особенно не рассчитывай, Маркелыч наш уже того...

МАРК. Спился?

МИХАИЛ. Чутьку похуже будет: откинулся, царствие ему небесное!

МАРК. Умер?

МИХАИЛ. Так с бутылкой в обнимку и крякнулся, будь она неладна. Вот сколько горя от неё, проклятой — не сосчитать! И всё одно — жрём!

МАРК. Другие свидетели отыщутся.

МИХАИЛ. Ищи! Только у нас ведь всё грамотно оформлено, по закону.

МАРК. По закону? Это вы называете законом чужие бани отбирать?!

МИХАИЛ. А чужих бань никто и не отбирал. Какие бани? У нас никаких чужих бань и отродясь здесь не было!

МАРК. Не было, да?

МИХАИЛ. И не припомню даже.

МАРК. Не припомню! Эх ты! Русский офицер! Про Родину ещё что-то вякает!..

МИХАИЛ. Ну ты!..

МАРК. Что ты? Рот он мне затыкает! Честным прикидывается. Прибрал баньку к рукам, спроворил по-тихому и дурочку валяет. Иконы у него тут, видите ли, по всем стенам висят! Вот и постыдился бы перед иконами врать! Внаглую причём!

МИХАИЛ. Ты мне тут не указывай...

МАРК. И ты не указывай! Подавишься моей баней! Понял? Подавишься, но не проглотить! Памятью матери клянусь!

МИХАИЛ. Всё? Выступление окончено? А теперь гуляй отсюда, добрый я покудова!

МАРК. Замучаешься дым глотать — «гуляй!» Я к тебе не в гости явился, не на блины! Поэтому изволь соблюдать приличия, если уж председателем стал, в большие начальники выбился!

МИХАИЛ. Так вы на приём ко мне, гражданин, пожаловали?

МАРК. На приём!

МИХАИЛ. На приём заранее записываться надо. Ко мне тут очередь во всю улицу.

МАРК. Плевал я на вашу очередь!

МИХАИЛ. А вот этого делать не стоит! У нас здесь места хотя и тихие, но, однако ж, и такие, что каждый плевком на собственную морду плюющего возвращается.

МАРК. Хватит базарить! Запугивал! Прямо трясусь весь... *(обходит МИХАИЛА, ставит портфель на стул.)* Требую выписку из собрания вашего Правления. О том, что лишили меня участка! Немедленно!

МИХАИЛ. Ну чего вот ты вернулся из своего Израиля? Так без тебя спокойно было, ты не представляешь!

МАРК. Я не был в Израиле!

МИХАИЛ. Тем более пора в путь дорогу! Земля-то обетованная, ждёт! Ну что вам наши Палестины, когда в своей родной Иудее дел немерено?

МАРК. Стебаешься, да?

МИХАИЛ. Боже упаси! Советую! Дружески рекомендую!

МАРК. И я тебе рекомендую: немедленно открыть мне мою баню! Немедленно!

МИХАИЛ. А синагогу? Синагогу тебе тут не открыть?.. немедленно?

МАРК. Негодяй! Антисемит! Ничтожество!

Наступает на МИХАИЛА.

МИХАИЛ. Слюнями, пожалуйста, тут не брызгайтесь... Не культурно...

МАРК. Это же, в конце концов, подло!.. Нечестно!.. Баня — моя! Капитальное строение!.. Я же просто зарегистрировать не успел!.. Не успел!!!

МИХАИЛ. А не успел, стало быть, и опоздал! Таков закон жизни... вами, кстати, демократами придуманный...

МАРК *(сам себе)*. Всё потерял! Бизнес, жену, квартиру... Теперь ещё и баню с участком увели... *(Вскидывает голову на МИХАИЛА.)* Не отдам. Не отдам!

Подступает сжатыми кулаками.

МИХАИЛ. Ну-ну, успокойся... Ну что ты уж так-то? Бог дал, бог и взял...

МАРК. Ты же человек!.. Неужели не понимаешь?.. Мне ведь жить негде, жить! *(Сникает.)* Кроме бани этой.

МИХАИЛ. Да ладно болтать-то!

МАРК молчит.

МИХАИЛ. Правда, что ль?

МАРК. Всё потерял, всё!

МИХАИЛ. Как же тебя угораздило?

МАРК. Как? Подставили меня. И всё забрали. Подчистую! А теперь ещё и ты... правление ваше!..

МИХАИЛ. Подставили, говоришь? Значит, афёрами занимался.

МАРК. Да какими афёрами? Я книжками торговал! Подсунули контрафактную продукцию... И сдали!

МИХАИЛ. Милиции?

МАРК. Бандитам! В милицейской форме.

МИХАИЛ. Это ты верно говоришь — докатились! *(Твёрдо.)* Но всё одно: жить в бане — несерьёзно!

МАРК. Почему? Печка есть! Кровать, стол поставлю! А больше мне ничего и не надо!

МИХАИЛ. Кроме шоколада.

МАРК. Не нужно мне шоколада! Люди и в худших условиях жили, да и сейчас живут! А мне-то и нужно, что с год продержаться, ну, полтора... от силы!.. Я выдержу! Без проблем!

МИХАИЛ. Не выдержишь.

МАРК. Почему?!

МИХАИЛ. Одних дров только не напасёшься. Да и вообще!

МАРК. Что вообще?!

МИХАИЛ. Нет у тебя бани, Марик, нету! И участка нет! Пойми ты наконец!.. *(Ходит мимо сникшего МАРКА, взрывается.)* Восемь лет прошло, Марик, восемь! И каких лет! За это время не то, что наша совхозная усадьба, держава рухнула! А ты... с баней своей!..

МАРК. Всё равно это незаконно.

МИХАИЛ. Бросать не надо было! Думаешь, она простояла бы столько лет, если бы не я? Простояла бы? Отвечай!

МАРК. Что отвечать?

МИХАИЛ. Простояла бы?

МАРК. Я не знаю... А почему, собственно, и нет? Она же стоит... кажется...

МИХАИЛ. Стоит! У кого стоит. *(Взрывается.)* Да её, баню твою, давным-давно по бревнышкам раскатали бы! И следа не осталось бы! Духа! Уже и приладились было... Гляжу, а котёл тащат!.. Ах, мать твою душу грешную!.. Выскочил, насилу отбил! А ведь я к тебе в сторожа вроде не нанимался! Нет?

МАРК. Я и не просил!

МИХАИЛ. Да? А глаза я свои куды дену? Не просил! Соседа, значит, грабят, а я: «Ну и пускай!». Так, что ли, по-твоему? Да я два года твою грёбанную баньку стерёг-охранял! Участок твой за лето сколько раз окашивал!

Сорняки же летят, семена разносятся!.. А ты?.. Ты где пропадал-то, Марик? За сколько лет даже носа сюда не сунуть не вздумал! Ни разу!

МАРК. Я работал.

МИХАИЛ. Работал он! В олигархи выбивался? Ну вот и получай теперь по заслугам!

МАРК. Сколько раз сюда собирался. И каждый раз срыв — то одно высказывало, то другое!..

МИХАИЛ. Потом уж Маркелыч говорит: «Выкупай, Михайло, участок!» Я спрашиваю: «Помер, что ли, хозяин-то?» Ты, значит. Он говорит: «Будем считать, что помер!» «Как так?» «Ну, коль не нужно ему! Не видишь, участок пустует, капстроений нет». «А баня? Ты же её сам ему ставил?» Ну, он и растолковал нам что к чему... В смысле, что нигде твоя баня не значит, а раз так...

МАРК. Ну, Маркелыч, не ожидал! Одной только водки сколько с ним выпили!

МИХАИЛ. Она его и сгубила, зараза! А так — золотой мужик! И голова как у министра, и мастер на все руки! А мне что? Он — председатель был! Как сказал, так и сделали. Тем более что уж по зарезу в выходе к озеру нуждались. Я и деньги, естественно, заплатил... Так что всё по-честному...

МАРК. По-честному? Да вы хотя бы позвонили мне, нашли! Всё втихаря, тихой сапой!

МИХАИЛ. Да он, кажись, и звонил, Маркелыч-то... Сказали ему, вроде, нет тебя, не проживаешь уже. Ну мы и решили, что ты на свою историческую родину дёрнул. А там где тебя искать? У вас там даже Интерпол не хозяин — отдельная страна! А ты возьми вот и объявись! И что вам там не живётся-то, в Израиле? Чего туда-сюда шастаете?

МАРК. Я не жил в Израиле! И в Америке не жил! Я всё время был здесь! Работал! Как проклятый. Виноват? Конечно, виноват! Надо было приехать, оформить! Собирался!..

МИХАИЛ. Вот и дособирался!

МАРК сокрушённо мотает головой.

МИХАИЛ. Ничего! Радуйся хотя бы, что живой остался... А сородичи тебе помогут!

МАРК. Какие сородичи?

МИХАИЛ. Ну, вы же, евреи, своим пропадать не позволяете, один у вас кагал-то, общий!

МАРК. Что ты несёшь, майор? Уши вянут!.. Кагал какой-то!

МИХАИЛ. Да ладно прибедняться! Не одним разве кагалом живёте?

МАРК. Слушай: отдай мне баню! Участок — чёрт с ним, он мне и не нужен очень, а баня... Честное слово ведь, больше жить негде. В квартире зав-

тра ремонт начинают... новые жильцы... А у меня... никого... И ничего больше не осталось... только эта баня!..

МИХАИЛ. Да баня-то уже давно не эта — другая! Ты не заметил, а мы ж её перестроили, печь переложили... Печка-то у вас Маркельчем угарная получилась!

МАРК. Знаю. Он переложить обещался.

МИХАИЛ. Он много чего обещался! А пришлось мне печника нанимать. А ведь это опять всё траты. И немалые. Но Бог бы с ними, с деньгами... Но мы же по субботам сами паримся! Как же тебе жить там? Никак невозможно!

МАРК. Мне это не помешает — парьтесь! И я — с вами!

МИХАИЛ. О-хо-хо!

МАРК. Войди в положение, майор!

МИХАИЛ. Посочувствовать тебе, конечно, могу, хотя и не очень... Сам виноват!

МАРК. Разумеется, виноват, безусловно! Жена говорила, упрашивала, умоляла!.. И всё-таки я поддался соблазну — взял этот чёртов контрафакт! Думал, один раз только... обернусь! Вот и обернулся!

МИХАИЛ. А жена, что же?.. Бросила после этого?

МАРК. Меня не просто подставили — преследовали потом... Я скрывался... Могли, в принципе, угрожать и жене, дочери... Они и так много выдержали... А её папа, жены, — не последний человек... в Израиле... Словом, посчитали за лучшее уехать.

МИХАИЛ. Ну вот и ты бы с ними заодно! Кто бы тебя там достал? — никто! Евреи своих не выдают!

МАРК. Моя родина — здесь. В России.

МИХАИЛ. Дочка-то большая?

МАРК. Пятнадцать лет.

МИХАИЛ. Ну, это уже, считай, отрезанный ломоть! Ещё год-два и уведут кобылку. У меня у самого сын, оболтус! Шестнадцать скоро, а ума — ни на понюшку. И настырный стервец! Избалованный. Кесарёнок, мать его! Через кесарево сечение рожали-то, семимесячного! Ну вот и набаловали мать с бабкой. Всё думали, слабенький, жалели, а он выше меня вымахнул! Ага! Ни черта ничего делать не хочет, только гулять! Бить пробовал, — так, что ты думаешь? — он на меня!.. с кулаками! Гадом буду! Попробуй вдарь, говорит, отвечу! А что мне пробовать? Я его, стервеца, одним ударом покалечить могу. Но мать с бабкой, конечно, за него! Горой! Вот и пришлось уйти из дому. А что поделаешь? Я ж не Тарас Бульба!

МАРК. Мы жили очень дружно.

МИХАИЛ. Ещё бы — с девкой-то! Хотя сейчас такие девки пошли, хуже парней! Ей-бо! Матом лаются, ханку жрут!..

МАРК. Моя девочка — не такая.

МИХАИЛ. Еврейские дети — вообще другие! А вот не осталась с тобой-то! С матерью уехала!

МАРК. Там ей будет лучше.

МИХАИЛ. Ну, будем надеяться. *(Хлопает МАРКА по плечу.)* Не переживай! Всё перемелется! Я тоже, когда из армии-то комиссовали...

МАРК. Верни мне, пожалуйста, баню!

МИХАИЛ. Ну что ты за человек! Говорю же!..

МАРК. Мне всего год продержаться! Напишу книгу, издам — всё поправится! Я сам уеду. А баня с участком останутся тебе, навсегда!

МИХАИЛ. Я ж тебе объясняю, Марик!..

МАРК. Ты, конечно, меня не знаешь... Я — писатель, точнее, переводчик... с немецкого... Но я всегда хотел писать... сам... Но только раньше не знал, что надо... А теперь знаю. Конъюнктуру знаю, рынок!.. Я сочиню бестселлер... Он пойдёт! Будет переиздаваться!..

МИХАИЛ. У нас тут есть один свой писатель... Так он что-то не очень издаётся, хотя пишет, надо сказать, складно... Где-то книжка его должна вальтаться... *(Ищет глазами.)*

МАРК. Не надо, не ищи... Я же сказал: в отличие от вашего писателя, я точно знаю, что надо, что пойдёт, а он не знает!

МИХАИЛ. Порнуха?

МАРК. Ну почему же непременно порнуха? Порнуха, кстати, сейчас не прёт, — объелись! Хотя, разумеется, есть ещё любители, находятся...

МИХАИЛ. Находятся! Специально воспитывают сейчас таких! Ты посмотри, что по телеку показывают — не порнуху?

МАРК. Я практически не смотрю телевизор — некогда.

МИХАИЛ. И я не смотрю! Сознательно взял и выбросил. Причём — не просто выбросил, а разбил. Чтоб другие не подобрали. Сосед мой, Генка Лапошный, даже разговаривать со мной после этого перестал. У него — чёрно-белое изображение только кажется, испортилось что-то, а мой — почти новый был, картинка хоть куда! Как же он меня поносил, Генка-то! Да и сейчас, нет-нет, да припомнит.

МАРК. Ну так как же всё-таки, насчёт баньки?..

МИХАИЛ. Верно говорят: «кто про что, а вшивый про баню»... Марик, душа ты моя несчастная, ну, подумай сам: как, каким таким макарон я тебя в баню вселить могу? Никак не могу! Это же баня! Не писательский кабинет! Попариться когда захочешь — другое дело. В любое время, пожалуйста, только скажи! Но — кроме субботы! По субботам, извини великодушно, мы сами паримся.

МАРК. Аборигены? Местные?..

МИХАИЛ. Ребятки мои из Москвы наведываются. У нас же здесь не просто огород, а база!

МАРК. База?

МИХАИЛ. «Русские соколы» наш союз называется. Не слышал? Иногда нас даже по телеку показывают. Когда оклеветать, конечно, хотят. Вот из-за этого я и выбросил телевизор! Представляешь...

МАРК. Русские соколы?.. Это, которые нацисты?

МИХАИЛ. Национал-патриоты мы!

МАРК. По-твоему, есть разница?

МИХАИЛ. Огромная! Мы не против других, мы просто за русских!

МАРК. С ума сойти! Кому рассказать, не поверят... Фашисты на моём участке!

МИХАИЛ (*бьёт его в плечо*). Ты!..

МАРК (*чуть не слетает со стула*). Вы что? Спятели?

МИХАИЛ. Мы — не фашисты! Понял? Не фашисты!

МАРК (*потирая плечо*). Не уверен. После такого удара...

МИХАИЛ. Будь я фашистом, я бы из тебя уже давно ремни резал и на сало перетапливал! Понял? Хотя это тоже наверняка преувеличено!

МАРК. Что преувеличено?

МИХАИЛ. Да издевательства все эти! Были, конечно, — не спору! — и чудовищные! Но не один ведь только еврейский народ от фашизма пострадал, всем досталось! А то как заголосили: «Жертвы холокоста, жертвы холокоста!» — так и не успокоятся до сих пор! А между прочим, уже давно научно доказано, что шесть миллионов, ну, никак не могли в крематориях сжечь! Элементарно печки не выдержали бы! Самое большое — два миллиона пропустить могли. От силы!

МАРК. А этого разве мало?

МИХАИЛ. Не мало! Но спекулировать на страданиях, дивиденды зарабатывать — подло!

МАРК (*самому себе*). Нет! Надо бежать отсюда... Бежать!

МИХАИЛ. Ну и беги, раз правды слушать не хочешь! Беги! А то, и в самом деле, засиделись мы с тобой что-то!

МАРК. Это маразм, маразм, дикий ужас!

МИХАИЛ. Ужасаться дома будешь. А может, и порадуешься ещё, из какой ямы выбрался. Давай, милый, давай, двигай потихоньку! (*Подталкивает МАРКА к выходу.*) А то я после дежурства... Считаю, две ночи кряду не спал. Генка приболел, Лапошный-то который... Это у него фамилия такая, не псевдоним...

МАРК. Не толкайтесь!

МИХАИЛ. А я и не толкаюсь! Если бы я тебя толкнул, ты бы знаешь, где очутился?

МАРК. Думаете, испугали, испугался?.. Не испугаете! Вам это даром не пройдёт! Я этого так не оставлю! Как бы там ни было, а участок — мой! И баня — моя! И вы всё равно, всё равно не имели права... Не имели!..

МИХАИЛ. Правление решило. Единогласно.

МАРК. Предоставьте копию решения Правления! *(Уклоняется от МИХАИЛА.)* Без неё я никуда не уйду! И копии ваших документов на мой участок!

МИХАИЛ. Ночь на дворе! Какие тебе копии?

МАРК. А мне плевать! Я требую!

МИХАИЛ. Думал, ты — человек...

МАРК. Я-то человек! И без документов я не уйду! Так и знайте!

Демонстративно садится на табурет.

МИХАИЛ. А ну-ка встать!

МАРК. Не командуйте! Пока не предоставите документы, с места не двинусь!

МИХАИЛ. Встать! — я сказал!

МАРК. Вы обязаны предоставить!..

МИХАИЛ ногой вышибает из-под МАРКА табуретку, тот падает.

МИХАИЛ. Обязанного нашёл! Ноги в руки и выметайся, пока цел!

МАРК *(поднимаясь)*. Хорошо. Если вы так... Тогда я собью замок с бани, и... Баня будет снова моя!

МИХАИЛ. А вот это видел? *(Суёт под нос МАРКУ кукиш.)* Рассмотря лучше!

МАРК. Скотина! Негодяй! Ублюдок!

МИХАИЛ. Ещё одно слово и так тебя приголублю, что поперёк своей жирной попы треснешь! Мамой твоей клянусь.

МАРК. Не пугай! Скотина солдафонская! Тебя в асфальт закатают!

МИХАИЛ. Здесь моя земля. Моя! И запомни: если к бане сунешься, положу на месте. Вот из этого бердана. *(Кивает на ружьё.)* Так что даже не рыпайся!

МАРК. Я завтра с милицией приду!

МИХАИЛ. Ну и приходи! Завтра!

Хватает МАРКА шиворот, тащит, упирающегося, к дверям.

МАРК. А всё-таки интересно, почему вы мне документы не выдаёте?

Внезапно вырывается, бросается к ружью и наводит его на МИХАИЛА.

МИХАИЛ. Положи оружие, придурок!

МАРК. Придурок из нас — ты! Документы? И ключи от бани! Слышал, что я сказал? Глухой?

МИХАИЛ. За это вас арабы и не любят. Да и не только арабы.

МАРК. Стоять! И руки в гору! *(Поводит угрожающе стволom.)* В гору! — я сказал!

МИХАИЛ. Научился!

МАРК. Дурное дело — не хитрое! Думаешь, только ты командовать умеешь? Поднимай руки!

МИХАИЛ. Я в своём доме с поднятыми руками не хожу.

МАРК. Будешь! А ну-ка это... Как ты надо мной издевался?.. Кругом!

МИХАИЛ. Ладно, Марик, поигрались и будя.

МАРК. Кругом! — я сказал!

МИХАИЛ. Я тебе не волчок. *(Идёт к МАРКУ.)* Давай бердан! По-хорошему прошу...

МАРК *(пяясь)*. По-хорошему?.. Это я тебя прошу... Приказываю!.. Не подходи! Выстрелю!..

МИХАИЛ. А выстрельнёшь, так убьёшь... Человека убьёшь, между прочим, человека...

Идёт на МАРКА.

МАРК. Не человека... Не человека!

МИХАИЛ. А кого жея? Не зверушку же лесную...

МАРК. Фашиста! Грабителя! *(Отступает.)* Не подходи!

Отводит ствол в сторону, жмёт на курок. Выстрела, однако, не следует, а в следующую секунду МИХАИЛ выхватывает ружьё.

МИХАИЛ. С предохранителя снимать нужно! *(Отводит предохранитель и приставляет дуло к горлу МАРКА.)* А вот я тебя сейчас положу! Как пить дать! И не один ваш суд, дерьмократический, не подкопается! Защита частной собственности. Ты же тать ночной, ворюга! Разве не так? Что скажешь?

МАРК. Ты сам ворюга!

МИХАИЛ. Я здесь живу, понял? А ты в мой дом ворвался! За ружьё моё схватился! Сукой назвал, фашистом! Да я тебя!.. Ты же меня убить хотел! *(Припирает стволom сильнее.)* Хотел?!

МАРК. Я не хотел!..

МИХАИЛ. А на курок, кто нажимал? Я же видел!.. Жал на курок, суслик?

МАРК *(сипит)*. Жал!.. Но я хотел в сторону...

МИХАИЛ. В сторону! Стволom-то вильнул, видел!.. Ладно уж *(отводит ружьё)*, не стану брать греха на душу, — живи покудова!..

МАРК (*сипло*). Ещё было бы где...

Ощупывает горло.

Оба переживают сильный шок.

МИХАИЛ. Найдёшь! Кагал поможет...

МАРК находит портфель, направляется к выходу, оглядывается на МИХАИЛА.

МАРК. До свиданья.

МИХАИЛ. Шагай-шагай!.. От греха подальше...

Преломляет ружьё, вынимает патроны.

МАРК. Извини меня... за ружьё... Сорвался.

МИХАИЛ. Ты тоже... (*Прячет патроны в карман.*) А где ты припарковался? Что-то я не слышал, как ты подъехал?..

МАРК. Я не на машине, на электричке.

МИХАИЛ. Как на электричке? Электричек больше не будет. Это аж в Клёново переть надо. Тринадцать км с гаком. Через лес, правда, девять.

МАРК. А как через лес?

МИХАИЛ. Да никак! Не пройдёшь ты ночью — заблудишься и окочуришься! На улице-то — мороз!

МАРК. Мороз. До свидания!

Идёт к двери.

МИХАИЛ. Вот ведь нелёгкая на мою голову! (*Отчаянно.*) Ну, оставайся здесь! Ночуй!

МАРК оборачивается.

МИХАИЛ (*страдающая от собственной мягкости*). Живи даже!.. Если хочешь...

МАРК. В бане?

МИХАИЛ. Зачем в бане? Здесь! Со мной!

МАРК. С тобой?

МИХАИЛ. С кем же ещё? Других здесь, как видишь, нету!

МАРК. Ни за что на свете!

Смотрят друг на друга.

МИХАИЛ. Ну прощай тогда!

Начинает подниматься по лестнице.

МАРК. Михаил!

МИХАИЛ останавливается, оглядывается.

МАРК. Я не могу с тобой... *(Поднимается.)* Не могу!

МИХАИЛ продолжает подъём. На площадке оборачивается, показывает на табурет.

МИХАИЛ. Садись и жди! Оденусь — подброшу до станции.

Уходит за угол.

МАРК садится на табурет, мучительно ждёт.

Затемнение.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Когда на лестнице появляется МИХАИЛ, МАРК встречает его улыбкой.

МИХАИЛ (*останавливается*). Ты чего? Ширинка, что ль, *растегнута?* (*Проверяет.*)

МАРК. Всё в порядке, Миша. Просто (*встаёт*), просто я тут поразмыслил немного и решил принять твоё предложение. Если ты ещё не передумал, конечно.

МИХАИЛ. Остаёшься?

МАРК. Если ты не передумал.

МИХАИЛ. Я назад пятиться не умею. Давай, решил если... (*Садится.*) Надумал, значит.

МАРК. Ты в любую минуту можешь погнать меня вон. В любую! А ещё лучше — разреши мне поселиться в бане, как я и предполагал.

МИХАИЛ. О-хо-хо!.. (*Встаёт.*) Мог бы и крикнуть наверх: мол, отбой, остаюсь! Столько одежды зря напялил!

МАРК. Извини, не догадался.

МИХАИЛ. Не догадался! Не о том думаешь! (*Спускается.*) А насчёт житья в бане забудь: в бане парятся!

МАРК. Соколы?

МИХАИЛ. Вторую неделю носа не кажут.

МАРК. Кстати... А проблемы у нас не возникнут?

МИХАИЛ. Какие ещё проблемы?

МАРК. Ну, мало ли! Скажут: пригрел тут... жидка пархатого.

МИХАИЛ. Не скажут. Да ты и не похож, чтоб очень...

МАРК. То есть раскрываться не будем. Я тебя верно понял?

МИХАИЛ. Нет, давай теперь всем докладывать, кто ты такой и откуда здесь взялся. Брат ты мой двоюродный — понял? — из Ахтубинска! (*Начинает раздеваться.*)

МАРК. Брат — это здорово! А почему из Ахтубинска?

МИХАИЛ. Потому что там брат мой и проживает. Федот!

МАРК. Федот?

МИХАИЛ. Вы с ним, кстати, схожи, с Федотом-то, он тоже... чернявый.

МАРК. Это ли не доказательство, что все люди братья! Впрочем, вы, национал-патриоты, этого, разумеется, не признаёте.

МИХАИЛ. Почему же? Признаём! Только евреи сознательно от других отделились, — как же! — избранным народом себя объявили! И гетто, между прочим, они первые себе устроили, их изобретение!

МАРК. Ты, как я вижу, большой знаток по еврейскому вопросу.

МИХАИЛ. Ну, большой не большой, а кое-что знаем. Видишь, литературы сколько? *(Показывает на книжную полку.)* Все до одной прочитал!

МАРК *(подойдя к книгам)*. И не стошнило?

МИХАИЛ. Блевануть тянуло порой, не скрою. Столько гадости всякой вскрылось!

МАРК. Могу представить! *(Вытягивает книгу, листает.)*

МИХАИЛ. Представлять бесполезно, вот прочтёшь когда, вникнешь...

МАРК. Нет уж, увольте! *(Ставит книгу на место.)* Меня на блевотину как-то не тянет.

МИХАИЛ. Нежный какой! Преодолей! Тебе, между прочим, это в первую голову нужно.

МАРК. А это ещё почему?

МИХАИЛ. Ну, раз, говоришь, отец у тебя практически русский.

МАРК. Сын за отца не отвечает! Это, между прочим, даже Сталин признавал.

МИХАИЛ. Сталин! Сталин Сталиным, а вот мозги твои замусоренные прочистить точно, не помешало бы!

МАРК. Неужели?

МИХАИЛ. Как раз и ужели! Ты ж, наверняка, из этих будешь... из дерьмократов... по убеждениям-то... Ну вот... *(Назидательно.)* А правда, Марк Семёнович, она — на другой стороне.

МАРК. На вашей!

МИХАИЛ. Да уж не вашей же! Погляди, что со страной сделали? Вместо того, чтобы имеющиеся недостатки исправить, вы... Куда вы людей-то повернули? А? В дикий капитализм! вспять истории!

МАРК. А может, на круги ея? Если, конечно, считать социализм искусственным вывихом.

МИХАИЛ. Сами вы с вывихом! Бизнесмены, мать вашу!.. Народное добро хапнули и корчат из себя благодетелей! На приюты они, видите ли, жертвуют, новые рабочие места создают... для скотов! Сволочи! Подлецы и негодяи!

МАРК. Бяки нехорошие!

МИХАИЛ. Смейтесь, смейтесь!.. Придёт наш черёд!..

МАРК. Не приведи, Господи!.. А, думаешь, придёт?

МИХАИЛ. Сомнений быть не может! Не позабудут люди про светлую жизнь. Никогда! Советский маяк никакой вашей клеветой не загасишь!

МАРК. Блажен, кто верует... Ну а пока суп да тело, может, покажешь, где мне устраиваться можно?

МИХАИЛ. А где хочешь, там и устраивайся. Выбирай себе койку-место, будь как дома.

МАРК. Премного благодарен, сэръ! Ваше гостеприимство не знает границ. (*Ходит, присматривается.*) А вот этот шкаф... нельзя ли его сюда передвинуть?

МИХАИЛ. Зачем?

МАРК. За него — стол, кровать поставить... — отличный закуток для работы!

МИХАИЛ. Да как-то не по-людски, вроде, станет... Кто зайдёт, а у нас чёрт-те что... шкаф чуть ли не посередке!

МАРК. Ничего страшного! Даже, наоборот, вполне оригинально будет. И я там отлично устроюсь!.. Мне же, прости, работать надо, книгу писать! Какое ни какое, а творческое уединение необходимо!

МИХАИЛ. Тогда наверху селись! Там, рядом с моей, ещё комнатёнка имеется. Командирская.

МАРК. Командирская?

МИХАИЛ. Командир наш в ней отдыхает. После баньки.

МАРК. А как же тогда?.. Он же приедет?..

МИХАИЛ. Когда он ещё приедет... Занимай! Для брата Федота ничего не жалко!

МАРК. Ты серьёзно? Это было бы для меня спасением... Не в смысле, как ты можешь подумать, изоляции от твоих соколов, а в смысле необходимых условий.

МИХАИЛ. Занимай! Что мусолить! Там тебе уж точно никто не помешает, — садись и пиши, хоть до посинения.

МАРК. Это-то мне как раз сейчас и нужно — до посинения! Чтобы кровь из носу!..

МИХАИЛ. Про что хоть книгу-то задумал? Про любовь, небось?

МАРК. Нет, не про любовь... О своём неудачном опыте рассказать хочу... о предпринимательском.

МИХАИЛ. Как я не стал миллионером?

МАРК. Вроде того... Слушай, а ведь неплохое название — «Как я не стал миллионером»... Вполне даже кассовое!

МИХАИЛ. Видишь! Сразу и разбогатеешь!

МАРК. Книга с таким названием пойдёт! (*Протягивает руку.*) Благодарю за службу, товарищ майор! С меня причитается!

МИХАИЛ. Ты напиши сперва — причитается!

МАРК. Напишу! Обязательно напишу! Такое!.. Всем вставлю! «Как я не стал миллионером»... Чудесно!

МИХАИЛ. Ерунда всё это! (*Мечтательно.*) Я бы о другом сейчас написал... как эту грёбанную жизнь переустроить... чтобы всё по справедливости было.

МАРК. А ты знаешь, как по справедливости?

МИХАИЛ. А что тут знать-то? Тут и знать особо нечего. Было бы желание!

МАРК. Ну, полагаю, одного только желания недостаточно. Во всяком случае, твоего. А вот скажи-ка мне лучше, — я всё об устройстве своём пекусь, — там, наверху, случайно стола не имеется? В командирской?

МИХАИЛ. Стола? Нет. Не имеется. Тумбочка есть.

МАРК. Тумбочка — немного не то. Можно, конечно, и по-ленински, на пенёчке пристроится... но... А этот замечательный реликт туда втащить не удастся? *(Показывает на стол.)*

МИХАИЛ. Не влезет.

МАРК. Жаль! Было бы, что надо... И ящики подходящие... А может, запихнём как-нибудь?

МИХАИЛ. Как запихнёшь, если не влезет?

МАРК. Ну... как-нибудь... с вазелинчиком?..

МИХАИЛ. Да хоть с вазелинчиком, хоть без... не встанет! Вот в мою — войдёт! Свободно причём. В аккурат спальня-кабинет получится.

МАРК. Стало быть, делать нечего, придётся пока к тумбочке приспособливаться... А потом, может, что и получше придумаем, да?

МИХАИЛ. Придумать, конечно, можно... Лист фанеры если положить... потвёрже...

МАРК. Прекрасно! Мне же, собственно, много места не нужно...

МИХАИЛ. Только я это, — забыл предупредить, — храплю, говорят, ураганно... А перегородка межкомнатная тоненькая, в одну доску всего... вагонка... так что...

МАРК. Благодарю за ураганное предупреждение. *(Себе.)* Надо беруши купить!

МИХАИЛ. Беруши?

МАРК. Затычки такие специальные. В уши заложил и ничего не слышно.

МИХАИЛ. Помогут, думаешь? Ну гляди!..

МАРК. А можно наверх подняться?.. Комнату посмотреть! Можно?

МИХАИЛ. Почему же нельзя? Пойдём! *(Идёт, останавливается.)* Только я что подумал-то: командир придет, а комната его занята... Нехорошо как-то получится.

МАРК. Иными словами: подниматься не стоит!

МИХАИЛ. Почему? Пошли! Поглядим, покумекаем!

МАРК. Да что там тогда глядеть-кумекать! Командир, разумеется, главнее! *(Сходит вниз, оглядывается.)* Значит, придётся как-то в этой казарме устраиваться, что, безусловно, много и много хуже. А шкаф, говоришь, всё-таки нельзя трогать?..

МИХАИЛ. Погоди со шкафом-то... Я что придумал-то: в моей поселишься!.. А я вниз переберусь, поближе к плите... Кашеварить-то на двоих теперь!

МАРК. Я что-то не понял... Ты предлагаешь отдать мне свою спальню?

МИХАИЛ. Ну а как быть-то? Действительно же — условия для творчества необходимы. А тут — проходной двор... как ни огораживайся!

МАРК. Даже не нахожу, что сказать... Спасибо, разве лишь, огромное... но...

МИХАИЛ. Так что — твори! На благо народа! И всем лучше будет! И командир комнату не теряет. А то приедет, а там — Федот!.. Который вдобавок ещё и не тот.

МАРК (*протягивает руку*). Спасибо тебе, Михаил! Не ожидал... Я столько хлопот тебе доставил!.. Даже неудобно.

МИХАИЛ. Да ладно! Я ведь тоже, как ни крути, а малешко виноват перед тобой... чего уж там!..

МАРК. Приятно, что ты это понимаешь.

МИХАИЛ. Так что живи... пиши свою книгу! Только сегодня, уж не обесудь, здесь ложись! Неохота, на ночь глядя, перетаскиваться!

МАРК. Нет проблем! Я с радостью!.. Мне и кровать вот эта уже приглянулась... Шикарная, должно быть!.. (*Ложится, вытягивает по краю кровати ноги.*) Красотухес!

МИХАИЛ. Разделся бы, красотухес! А то сопреешь ещё.

МИХАИЛ. Не сопрею. Я так продрог, пока искал свой участок... (*Растегивает пуговицы на пальто, распахивается.*) Но у тебя здесь, надо сказать, не холодно.

МИХАИЛ. По мне так, пожалуй, и жарковато.

МАРК. Дровишками отапливаешься али угольком?

МИХАИЛ. Поднимай выше! Прошлым годом котёл газовый поставил, АГВ. Теперь у меня здесь все удобства, не хуже городских!

МАРК. Хочешь сказать, даже сортир тёплый?

МИХАИЛ. А то! Причиндалы свои не отморозишь, не бойся!

МАРК. Тогда я пошёл! (*Вскакивает.*) И де тут у вас гадють?

МИХАИЛ. Туда шагай! Санузел — в коридоре.

МАРК (*снимает пальто, бросает на кровать*). Я не прощаюсь! (*Уходит в указанном направлении. Оттуда слышится его голос.*) С ума сойти! Откуда такие роскошества... в нашем санузле?

МИХАИЛ (*сам себе*). Вот тебе и гадють! (*Соображает.*) Так, комплект белья нужно, полотенце... (

Подходит к шкафу, достаёт бельё, бросает на кровать, пальто по пути определяет на вешалку и с полотенцем в руке стучится в санузел.

МИХАИЛ. Марк! полотенце свежее прими! Я тут на ручку повешу...

МАРК. Спасибо, дорогой, не нужно!

МИХАИЛ. Что, значит, не нужно? Я же принёс!

МАРК (*за дверью*). Не беспокойся!.. Я без полотенца...

МИХАИЛ. Как это без полотенца? Ты же руки моешь?.. Чистое!..

МАРК (*выходя*). Не нужно полотенце, дорогой... Я привык так обходиться, без.

МИХАИЛ. Без?

МАРК (*помахивая руками*). Видишь? Уже почти и просохли!

МИХАИЛ. Вообще никогда не вытираешься?

МАРК. Вообще — вытираюсь! А когда одни руки... — зачем? — только полотенце пачкать.

МИХАИЛ. Ну ты даёшь!.. Сам придумал? Или жена приучила?

МАРК. Я уж и не помню, кто. Слушай! У тебя там такие удобства — обалдеть просто!.. Откуда такая роскошь в нашем скромном доме?

МИХАИЛ. А! Это подвезло нам... Тут неподалёку богатей какой-то строился... уже и сантехнику завёз... А его возьми да взорви вместе с машиной! Слава Богу, не у нас грохнули, в Москве. А наследников то ли нет, то ли не нужно им ни шута... Вот мы и спроворились с мужичками, разжились, так сказать, на чужой погребели.

МАРК. Не знаю, какие вы соколы, но вороны первоклассные, — чуть кто зазевался с добром, вы тут как тут: кому здесь глазки выклевать?

МИХАИЛ. Ну не всё же нам попусту клювами щёлкать? Что-то, бывает, и нам перепадает. Тем более что ему, покойничку-то этому, теперь всё оставленное добро и даром не нужно... Это он здесь на пять унитазов садиться планировал, а там... там я, полагаю, у него другие заботы.

МАРК. Даже и думать не хочу, какие? К чёрту! Жизнь продолжается! (*Энергически потирает руки, пытливо и весело смотрит на МИХАИЛА.*) Ну, поторгуюсь малость?

МИХАИЛ. Как понимать?..

МАРК. Не лукавь, майор! Я же квартировать у тебя буду, верно? Стало быть, денюжку платить обязан. Давай решать, сколько? Много, как ты понимаешь, я не могу... Так что цену сбавляй сразу! Говори: сколько ты намереваешься содрать... со своего брата Федота?

МИХАИЛ. Ну, если с брата, то — сколько сможет, столько пусть и даёт.

МАРК. Что, значит, сколько сможет? Это не разговор! Мы должны конкретно определиться: сколько? в какие числа?..

МИХАИЛ. Вот чудаков-человек! Ну откуда мне знать, сколько да когда? Может, у тебя и нет ничего, раз сюда жить припёрся!

МАРК. Припёрся-то я, конечно, припёрся, это верно... Но, уж если я сюда припёрся, то, следовательно, и на что-то жить здесь рассчитывал... Логично?

МИХАИЛ. Ну!

МАРК. Что ну?

МИХАИЛ. Ну, вот это и давай, на что рассчитывал! Какие могут быть разговоры!

МАРК. Сто долларов? Тебя такая сумма устроит?

МИХАИЛ. Сто баксов-то? Ну а почему же нет? Вполне!

МАРК. Подожди!.. Вместе с питанием?..

МИХАИЛ. Ну, конечно! Если, конечно, не побрезгуешь нашей шамовкой.

МАРК. Я не побрезгую! *(Протягивает руку.)* О'кей, Михаил! Будем считать, что договорились!

МИХАИЛ. Ну, давай считать! *(Протягивает свою.)*

МАРК. Значит, договорились! *(Смеётся.)* А я, если подумать, совсем неплохо устроился! Во всяком случае, не хуже, чем если бы в бане своей...

МИХАИЛ. Ещё бы! Поди тебе плохо на всём готовеньком будет!

МАРК. Я тебе помогать буду! Убираться, готовить... Я всё умею! Не думай!

МИХАИЛ. Да я и не думаю. Разберёмся! Перекантуемся как ни то! Картошь-морковь у меня свои, соленья там всякие, сала шмат е, рыбка вяленая... А тут ещё твои сто баксов привалили... Да мы с тобой ещё зажируем!

МАРК. Тем более что я много не ем!

МИХАИЛ. А я — мало! Так что одному из нас точно уж что-нибудь да достанется!

МАРК. В каком смысле?

МИХАИЛ. По-братски, говорю, жить будем, Марик! *(Хлопает МАРКА по плечу.)* Не возражаешь?

МАРК. По-братски — это хорошо... Если только нас твои соколы не расколют... Вдруг они мой паспорт потребуют? Национальность там не указана, но фото же моё.

МИХАИЛ. Не потребуют. Зачем им твой паспорт? Я же — здесь!

МАРК. Тоже резонно!

МИХАИЛ. Самим бы не ошибиться! А то крикну невзначай: «Марк!», — а ты — раз — и отзовёшься! Что тогда про нас подумают?

МАРК. А пусть думают, что у тебя крыша поехала. Я уж точно не отзовусь, будь уверен. Только вот похож ли я на Федота?

МИХАИЛ. Да я ж говорю, схожи вы! Ну не близнецы, конечно...

МАРК. Я об имени... Не слишком ли простоватое для меня?

МИХАИЛ. Федот, между прочим, историк, в музее работает и тоже, кстати сказать, книжки пишет... научно-популярные.

МАРК. Надо же!.. Практически родственные души... Тогда вопросов нет.

МИХАИЛ. Ладно, подумаем ещё насчёт твоей конспирации. Может, и ни к чему она, раз говоришь отец у тебя практически русский.

МАРК. Папа-то? Стопроцентный русак! Не сомневайся.

МИХАИЛ. Вот, видишь... чего тогда темнить? Правда, еврейская кровь всё равно сильнее, любую другую, говорят, перешибает, но... Ты сам-то, кстати, как считаешь?

МАРК. Я, — если откровенно, — никак! Но вам, крововедам, разумеется, виднее!

МИХАИЛ. Не обижайся! Я же по-товарищески... рассуждаю просто... У евреев, сам знаешь, по материнской линии родство ведётся, у нас — больше по отцовской... Как, говоришь, отца-то по бабушке величали?.. Семён?..

МАРК. Аронович.

МИХАИЛ. Ничего себе — русак!

МАРК. Так по материнской-то линии — русак! Чистый!

МИХАИЛ. Да, Марик, жить, я чувствую, мы будем весело!

МАРК. И замечательно! Не находишь?

МИХАИЛ. Да нет, почему же, ничего... Только, извини, конечно, но давай всё же как-то определимся... для ясности, так сказать... Сам-то ты кем себя больше ощущаешь — русским? евреем? Только без обид... откровенно!..

МАРК. Русским евреем! Не подходит? Тогда я тебе так скажу... если откровенно... Когда я с антисемитом, я — еврей, когда с нормальным человеком — человек!

МИХАИЛ. А я — антисемит.

МАРК. Неужели? Вот бы никогда не подумал!

МИХАИЛ. Причём — убеждённый!

МАРК. Кем? Евреями?

МИХАИЛ. Ты вот сострил, а попал в самую точку. На самом деле ведь антисемитизма, как такового, не существует. Его ведь тоже евреи придумали.

МАРК. То ли я здесь ещё услышу! Откровение за откровением!

МИХАИЛ. А ты не смеись, лучше слушай, пока тебе говорят. *(Вспыхивает.)* Вы, евреи, между прочим, ни черта о себе знать не желаете! А вас ведь, между прочим, тоже... дурят!

МАРК. Да что ты говоришь! Кто?

МИХАИЛ. Кто! Другие евреи, разумеется!

МАРК. Я сейчас разрыдаюсь... А есть и другие?

МИХАИЛ. Само собой! Ты, думаешь, я против евреев? Нет! Я же не фашист какой-нибудь, не шовинист... понимаю: евреи — такие же люди, как и все!..

МАРК. Точно? Ты ничего не перепутал?

МИХАИЛ. Встречаются среди них, конечно, всякие... как и в любой другой нации — плохие, хорошие, замечательные!.. Но ведь существуют ещё и жидаи! Они, кстати, во всех национальностях существуют, без исключения... Вот против них-то мы и выступаем. Против жидов! Которых, — тут уж ты, обижайся не обижайся, — но среди евреев всё-таки гораздо больше!

МАРК. А что такое жидаи? Как вы их определяете? На глаз или на ощупь?

МИХАИЛ. Да что там определять... Жида сразу видно!

МАРК. А я?.. Жид, по-твоему, нет? Откровенно только!..

МИХАИЛ. Был бы ты жид, я бы с тобой давно уж не разговаривал. Но должен сказать прямо: находишься под их сильным влиянием! Мозги замусорены основательно. Мыслишь, как они. Ужимки, смешуёчки ихние... Поэтому будем очищаться, — книжки читать, разговаривать, спорить!

МАРК. Думаешь, надежда есть? Не всё для меня ещё потеряно?

МИХАИЛ. Зависит от тебя. Будешь стараться...

МАРК. Скорей бы за книжки! Всё хочу про жидов знать, всё!

МИХАИЛ. Узнаешь! Мало не покажется.

МАРК. Один вопрос можно? Тебе, наверное, евреи досадили крепко, да?

МИХАИЛ. Мне-то? Пусть бы попробовали!..

МАРК. А они даже не пробовали? Вот гады! Жиды проклятые!

МИХАИЛ. Не в этом же дело!.. Лично, допустим, нет, не обижали!.. Хотя, как считать? Меня вот из армии комиссовали!..

МАРК. Из-за евреев?

МИХАИЛ. За то, что офицерской честью не стал торговать, против ветра пошёл, против начальства! А ветер у нас, откуда дует?

МАРК. Откуда?

МИХАИЛ. Из синагоги жидовской! Думаешь, там успокоились после Христа? Хрен на ны, прости меня Господи! Распяли Сына Божьего и будто бы так и надо! Даже прощения не попросили! «Виноваты, мол, погорячились!» Ну, почему бы так не поступить, а? Ведь они не кого-то там, а Бога казнили, Марик, Бога!

МАРК. Насколько я понимаю, Христос для них Богом не являлся.

МИХАИЛ. А для меня? Для других двух миллиардов?.. Он же — Бог! Несомненный! Так почему бы и не покаяться перед нами, перед христианами? По простому, по человечески! Папа римский, — мышь эта белая, — и тот за все зверства инквизиции, прощения попросил! И за притеснения евреев, кстати, тоже евреям в ножки бухнулся. А что в ответ? Хоть один из евреев раскаялся, попросил прощения за Христа?

МАРК. Я у тебя прошу.

МИХАИЛ. Да что ты!.. Тебе от евреев, может, одна только задница и досталась!

МАРК. В каком это смысле? Тебе моя задница не понравилась?

МИХАИЛ. Да причём тут твоя задница? Ну еврейская она у тебя немного, ну и что с того?

МАРК. Впервые слышу!

Подходит к зеркалу, крутится, разглядывая свою задницу.

МАРК. И что в ней еврейского?

МИХАИЛ. А сам не видишь?

МАРК. Задница, как задница... Ну, толстовата немного... А у тебя не такая, что ли? *(Разглядывает МИХАИЛА.)* Практически — одна и та же!

МИХАИЛ. Сравнил! *(Подходит к зеркалу.)* У меня — как орех, подобранная! А у тебя — груша раздавленная!

МАРК. Это у тебя как орех? Умереть не встать! Ты, может, слепой, у тебя что с глазами-то? Ты посмотри хорошенько — орех! Такая же груша толстомясая!

МИХАИЛ. Ну, растолстел я маленько в зиму, не без того... Но всё же не так, как у тебя-то, поаккуратней будет!

МАРК. А мне, кажется, у меня даже и лучше! Поменьше-то уж точно!

МИХАИЛ. Это потому что я вообще побольше.

МАРК. Вот именно! Русак толстозадый! Жопами мериться полез! Ты посмотри лучше на свои уши!

МИХАИЛ. А что мои уши?

МАРК. Мочки у тебя, какие? Сплошные или раздвоенные?

МИХАИЛ. Сплошные вроде... А что?

МАРК. Вот то-то и оно! Русак нашёлся! чистопородный!

МИХАИЛ. А какие надо? Раздвоенные?

МАРК. Разумеется! Тогда ты — угрофин. Славянин, значит! Европейец!

МИХАИЛ. А так, кто?.. Если сплошные?..

МАРК. Азиат! Самого что ни на есть тюркского розлива!

МИХАИЛ. Турецкого, что ли?

МАРК. Может, и турецкого. Кто тебя знает, что в тебе понамешано?

МИХАИЛ. А у тебя, какие?..

МАРК. У меня тоже сплошные. Можешь не волноваться.

МИХАИЛ *(отходя от зеркала)*. Ерунда всё это — мочки, задницы... Главное — дух! Твоё отношение к России. Если она тебе — мать, Родина, то, значит, ты её сын. А уж русский ты при этом или татарин, это уже и не суть важно!

МАРК. Наконец-то хоть что-то дельное за весь вечер услышал!

МИХАИЛ. Да? А до этого, что же, чепуху я молчал, по твоему?

МАРК. Опять откровенно?.. Чепуху, Миша, причём — наиполнейшую!

МИХАИЛ. И, например, какую же?

МАРК. Скучно пересказывать. Ей Богу! Как-нибудь — по ходу пьесы... Нам же с тобой ещё долго общаться.

МИХАИЛ. Вот, значит, ты какой!

МАРК. Какой? Да никакой я, Миша, никакой!

МИХАИЛ. Вот это и плохо, что никакой!

МАРК. Ну пусть будет плохо! Я не возражаю. И спорить с тобой не хочу, потому как абсолютно бесполезное это занятие! Поэтому, давай не будем! Хватит на сегодня политучёбы!

МИХАИЛ. Просто ты не понимаешь ещё ни шута. Глаза-то у тебя зашоренные!

МАРК. А уши заложенные! Вот и не мучайся со мной, — всё равно за один вечер антисемитом не стану!

МИХАИЛ. Хочешь сказать, шибко налетел на тебя? Согласен. Сразу-то, конечно, на истинный путь не наставишь. Извини! Я, вообще-то, дурным иной раз делаюсь, бывает, ору, оскорбляю даже... Ты меня не бойся. Это я так, только с виду...

МАРК. Да я не боюсь! Чего мне тебя бояться? Я тоже дурной бываю.

МИХАИЛ. Да уж конечно! Раз за ружьё хватаешься.

МАРК. Сам не ожидал... Случайно как-то вышло, по дурачки...

МИХАИЛ. Ладно. Моя вина — оставил без присмотра. А уж если схватился — действуй! Промахи редко когда прощаются.

МАРК. Да я бы не выстрелил! Во всяком случае, в тебя!

МИХАИЛ. А ребят наших не бойся. Никто к тебе приставать не станет. Они — хлопцы гарные. Сейчас таких не больно-то и найдёшь — не пьют, не курят! Спортом увлекаются, книжки читают правильные... Я иной раз смотрю на них, слушаю, а сам думаю: если такой закваски в народ побольше влить, то, ой как, силушки-то в нём прибавиться! Командиру спасибо, он их тренирует воспитывает. Умнейший человек! Любой вопрос так по полочкам разложит, яснее ясного становится. А моложе нас с тобой!

МАРК. У вас, что же, и занятия здесь проходят?

МИХАИЛ. А то как же? Времени даром не теряем. Да и нет его времени-то, Россия едва дышит. Поспешать надо!

МАРК. Революция не ждёт!

МИХАИЛ. Правильно мыслишь, Марик!

МАРК. А ведь ещё ни одной книжки вашей не прочёл! А прочту, что тогда будет?

МИХАИЛ. В едином строю с нами зашагаешь! Заново жить начнёшь!

МАРК. А вы и в баню строем ходите?

МИХАИЛ. И тебя с собой прихватим! Парильщики у нас отменные! Как возьмут тебя в оборот берёзовыми веничками, да как отполируют до розовой мраморности!.. Что ты! Умирать не надо!

МАРК. Радужная перспектива. Только уж в баньку меня с вашими ребятами, пожалуйста, не зови, заказана мне с ними банька!

МИХАИЛ. Как это заказана? Почему?

МАРК. Я же — обрезанный.

МИХАИЛ. Обр!.. *(Потерянно садится, поднимает снятые ботинки.)* Вот сапоги купил. Наши. Питерские! Год не оттащали, поползли, заразы! А в

саламандровских три сезона оттопал и хоть бы им хны! Вот как тут поддерживать отечественного производителя?

МАРК. Патриотизм требует жертв.

МИХАИЛ Да уж... *(Бросает ботинки.)* Значит, говоришь, обрезанный?

МАРК. По самую крайнюю плоть. Ещё в бессознательном младенчестве. Показать?

Демонстрирует готовность к показу.

МИХАИЛ. Отставить! *(Вскакивает.)* Ты что делаешь?

МАРК. А что? Не надо?..

МИХАИЛ. Да на кой чёрт надо? Зачем?!

МАРК. Я не знаю... Но, во всяком случае, во всех фильмах, насколько мне помнится, нацисты первым делом в штаны лезут, чтобы, так сказать, самолично удостовериться.

МИХАИЛ. Удостовериться! Кина насмотрелся?

МАРК. Не надо, так не надо... Что же ты сердишься? Я, как ты, надеюсь, понимаешь, особенно не настаиваю... Но, в общем-то, мне это нетрудно...

МИХАИЛ. Нетрудно ему! А почему? Стриптизёр, что ли? А может быть, этот, как его?.. Ну, который показывать всем любит? Эски?.. Эски?..

МАРК. Эксгибиционист.

МИХАИЛ. Вот-вот! он самый... Эски... Экс-ги... би... ци-о-нист!

МАРК. Правильно!

МИХАИЛ. Что правильно? Показывать всем правильно?

МАРК. Я же не всем, Миша... Тебе только... персонально.

МИХАИЛ. Персонально! А зачем? Зачем мне твой обрубок персональный?

МАРК. Почему это обрубок? Обижаешь, майор, у меня вполне нормальный!

МИХАИЛ. Да хоть по колено! Мне-то что?! На какой ху... хрен то есть, мне твой хрен сдался?

МАРК. Может, условимся называть хрен фаллосом? Или пенисом... чтобы не путаться в терминологии?

МИХАИЛ. Иди ты!.. знаешь, куда!.. со своей терминологией! Стриптизёр хренов!

МАРК. Я не стриптизёр.

МИХАИЛ. А кто же ты, раз тебе нетрудно?!

МАРК. А почему, собственно, такая бурная реакция? Что, собственно говоря, происходит? Я ведь, кажется, пардон, не женский половой орган предъявить собирался?

МИХАИЛ. Да уж лучше бы женский... чем этот твой... — тьфу! — фаллос!

МАРК. Позволь спросить: у тебя ко всем фаллосам такая неприязнь или только исключительно к обрезанным?

МИХАИЛ. А это тут причём — обрезанные, не необрезанные?.. Да меня, брат ты мой...

МАРК. Федот!

МИХАИЛ. ...не только обрезанными фаллосами, но и никакими цельными пенисами не удивишь! Обрезанный?! Эка невидаль! Нашёл тоже!.. Да передо мной целые роты голыми маршировали! Роты!

МАРК. И всё проходило нормально? В том смысле, что тебя это не слишком возбуждало, нет?

МИХАИЛ. А почему меня должно было возбуждать? С какой стати?

МАРК. Ну... картина ведь, согласишься, довольно-таки впечатляющая... Рота обнажённых мужчин... с фаллосами наперевес... Достоинно кисти Айвазовского!

МИХАИЛ. Какого ещё Айвазовского? Ты что мне тут вправляешь, Марик?

МАРК. Называй меня просто Федотом.

МИХАИЛ. Я же не пидор какой-нибудь возбуждаться, не гомик!

МАРК. Нет?

МИХАИЛ. Конечно, нет!

МАРК. Тогда ладно.

МИХАИЛ. Что ладно?

МАРК. Что ни пидор. Как ты выражаешься.

МИХАИЛ. А ты что подумал?

МАРК. Ничего. Просто твоя реакция...

МИХАИЛ. Да какая там, к чертям собачьим, реакция? Реакцию нашёл! Я что, по-твоему, похож на гомика?

МАРК. Ну, внешне это иногда определить довольно трудно... А ты... ты, в общем-то, такой...

МИХАИЛ. Какой?!

МАРК. Импозантный. Пылкий. Брутальный!

МИХАИЛ. Стоп! Оскорбить меня хочешь?

МАРК. Брутальный — это не оскорбление!

МИХАИЛ. Да как же не оскорбление, когда ты меня в пидоры определил?

МАРК. Я тебя никуда не определял, успокойся. Но реакция твоя, говорю ещё раз, была довольно-таки странной... Панический испуг... Смятение... С чего бы это?

МИХАИЛ. А ты?.. ты бы не испугался? Ну, давай я сейчас штаны сниму и прибор свой перед тобой выложу! Хорошо тебе будет?

МАРК. Насчёт хорошо, не уверен... Меня мужские прелести как-то не волнуют. Я, если можно так выразиться, исключительно по женщинам... По бабам, короче.

МИХАИЛ. А я?! Я по мужикам, что ли? Так, по-твоему, выходит?

МАРК. Не знаю!.. На задницы чужие внимание обращаешь... Откуда же мне знать, какая у тебя сексориентация!

МИХАИЛ. Сексориентация! Ты, вообще-то, хоть в людях немножко ориентируешься, писатель? В пидоры меня записал! Да я, если хочешь знать, бабником родился, бабником и подохну! Понял?

МАРК. Понял! И нисколько не возражаю!

МИХАИЛ. Против чего не возражаешь? Против того, что подохну, что ли?

МАРК. Против того, что б и ты по бабам... Пожалуйста! Я конкуренции не боюсь!

МИХАИЛ. Да? Казанова выискался! Брутальный, говорит!.. Надо же!.. Да я этих гомиков, чтоб ты знал, пидоров разных, отродясь терпеть не могу! Так бы и давил, гадов!

МАРК. Да сколько угодно, если нравится... Только агрессивность ещё ровным счётом ничего не доказывает, скорее — наоборот.

МИХАИЛ. Что наоборот?

МАРК. Сексопатология, дорогой мой, очень тонкая штука, и, в частности, известно немало случаев, когда какой-нибудь нещадный борец с гомосексуализмом оказывался на проверку просто-напросто хорошо заблокированным геем.

МИХАИЛ. И что ты хочешь этим сказать? Что я заблокированный?

МАРК. Этого не знаю и потому утверждать не стану. Но на твоём месте я бы, пожалуй, покопался слегка в своём подсознании... с каким-нибудь серьёзным психоаналитиком.

МИХАИЛ. Зачем?

МАРК. Ну, во-первых, это никогда не вредно... Помнишь?.. Еще древние говорили: «Nosce te ipsum», — что означает — познай самого себя, а во-вторых...

МИХАИЛ. Вот так вы и ловите на свой крючок!

МАРК. В каком смысле?

МИХАИЛ. «Древние! Познай самого себя!» Думаешь, не догадываюсь, к чему ты клонишь?

МАРК. А к чему я клоню?

МИХАИЛ. Да ты же комплекс неполноценности в меня внедрить хочешь, голубь!

МАРК. Я?! В тебя?.. Комплекс неполноценности?.. Да ты, радость моя, спятил?

МИХАИЛ. Я-то не спятил! Это вы все спятили — советчики! Наслушался я вас в досталь: «покопайся в своём подсознании, обратись к психиатру!» Спасибо! Вам лишь бы здорового человека в психушку упечь, полным психом его выставить, тогда вы — счастливы! Задание выполнено!

МАРК. Какое задание? О чём ты?

МИХАИЛ. А ты думаешь, как меня комиссовали? Вот так же! Ступай, говорят, к врачу, к психиатру!.. Пошёл! И дело сделано — прощай служба!

МАРК. Тебя признали пси... психически неполноценным?

МИХАИЛ. Да я полноценней вас — неполноценным! И никаких твоих психоаналитиков мне на дух не надо, — к себе психиатров вызывай! И намёки свои прекрати! Здесь эти жидовские штучки не проходят. Тайного гомика он, видите ли, во мне обнаружил, заблокированного!

МАРК. Я ничего в тебе не обнаружил, клянусь! Я только посоветовал!.. От чистого сердца! И никак не ожидал, что ты воспримешь это так близко!..

МИХАИЛ. От чистого сердца!.. А в ширинку зачем полез?

МАРК. Прикалывался просто.

МИХАИЛ. Прикалывался он! Только приколы ваши тоже... со смыслом... Вот хоть бы твой совет... от чистого сердца... Ну, предположим даже, покопался я в своём подсознании, отрыл что-то... — там много, наверно, всякого дерьма накоплено, допускаю... — и что же?.. Что мне теперь с этим откопанным дерьмом делать? Культивировать?

МАРК. В каком смысле?

МИХАИЛ. Так вы же к этому всех призываете! Копайтесь в себе, находите всякую гадость и — на всеобщее обозрение! Смотрите, мол, какие мы голубые да розовые! Нам всё позволено, мы — свободные, оригинальные, шагом марш в наши ряды!

МАРК. Ну зачем же так примитивно!

МИХАИЛ. Так ведь так оно и есть — примитивно! Вам же свобода для греха дана и только! Задницы свои выставите друг другу напоказ и рады безумно!

МАРК. Ну, положим, на задницы ты тоже, как выяснилось, некоторое внимание обращаешь.

МИХАИЛ. А как же не обратишь, когда ими тебе в глаза пялятся!

МАРК. Разве я пялился? Что-то не припомню...

МИХАИЛ. Да не о тебе речь! Ты шире смотри! Всех же нас чужими задницами любоваться заставляют! Поголовно!

МАРК. Меня, например, не заставляют...

МИХАИЛ. Да? А ты в Серебряный Бор сходи! Давно там не был?

МАРК. Причём тут Серебряный Бор? Давно. Не помню даже...

МИХАИЛ. А я помню! Летошным годом удосужился... побывал... с подругой одной... Думал, любовь, между прочим... Ага! Молодая, ладная, всё, как говорится, при ней... Ну это так, к слову... Привёз я её в этот Сербор —

отдыхать! Чтобы он провалился! Я там тоже тыщу лет не был, а она и вовсе ни разу. Идём! Гуляем! По пескам-по дюнам. Подруга моя вся в восторгах: ах, какие сосны, ах, какие ели! А мне-то что? Ей хорошо, мне ещё лучше! Тоже радуюсь. Вдруг вижу, — что такое? — вроде как голый мужик по курсу маячит. Присмотрелся — точно! Стоит, гад, пузо выпятил, руки за голову закинул и на солнце жмурится! А сам бледный весь, как огурец очищенный! Ну, думаю: идиот, придурок, или, навряде тебя — эксгибиционист какой! Мигом сориентировался, подругу в сторону отжал и боком-боком — на дорогу. Выбрались! Она вроде и не заметила ничего. Только дух перевёл — мать честная! — ещё один обгоняет. Тоже голый и с портфелем в руке. Обогнал и чешет впереди, как ни в чём не бывало. Бойко так чешет, портфельчиком помахивает, будто на совещание, сволочь, торопится. Булками своими играет — вжик-вжик!.. Загорелый, блин!.. Заяц шоколадный! А мы — за ним! Тоже вроде как ходу прибавили... как привязанные, честное слово! Верись ли, на улице жарынь, я весь мокрый был, а тут в одну секунду моментально высох — насухо! А что делать, куда бежать? — не знаю! А их кругом — как грязи! И каких только нет: худые, толстые, молодые, старые! — и все нагишом. Баб, правда, поменьше, но, в общем, такой, доложу тебе, жоповедник, что прямо оторопь взяла — посреди бела дня, в общественном месте!..

МАРК. Это вы на нудистский пляж попали.

МИХАИЛ. Какой там пляж, Марик! Весь берег оккупировали! На полянах в волейбол играют, под кустами — в шахматы, в карты режутся, там — загорают, здесь — обжимаются! Мама родная! Насилу выбрались из их расположения. Идём и молчим! Как немые!

МАРК. Подруга осталась недовольной?

МИХАИЛ. Да кто её поймет! Восторгов, конечно, не было, но... Не хуже тебя вот защищать их стала: «Свободные, мол, люди, отдыхают, расслабляются». Я говорю: «Давай тогда ты тоже... расслабься... Скидавай одёжку-то! Чего ж?..»

МАРК. Она взяла и скиданула!

МИХАИЛ. Ага! Держи карман шире! «Мне, говорит, это не нужно. А им, если нравится, пускай!» Ну, пускай, так пускай! В общем, отпустил я её... расстались!

МАРК. Значит, не судьба.

МИХАИЛ. Не судьба. А думал, между прочим, любовь... думал уж, и на мой закат печальный...

МАРК. Забавная история. И слово ёмкое — жоповедник! Сам придумал?

МИХАИЛ. Да как-то выскочило.

МАРК. Нужно использовать. Разрешешь?

МИХАИЛ. Валяй! Ребятам рассказал, они, ясное дело, загорелись. Хотели наведаться по быстрому в этот Сербор. Да что-то с погодой не заладилось, а потом и вовсе лето кончилось. А то хорошо было бы по голым задницам дубьём пройтись! Или — нагайками. Всех бы как ветром сдуло бы!

МАРК. И проблема нудизма, а заодно и гомосексуализма решилась бы в одночасье!

МИХАИЛ. А её так и надо решать — в одночасье. Запретить и точка! И чтобы впредь никакого гомосексуализма в помине не было!

МАРК. Это как же так? Всё равно же будет!

МИХАИЛ. Под личным одеялом — пусть! С фонарём каждого извращенца караулить не станешь. А вот пропагандировать — ни в коем разе и ни под каким соусом! А то в дискуссии с ними вступают, с умным видом о любви рассуждают. Какая любовь? Это, Марик, всего-навсего обыкновенный сексуальный акт, — трах, по-вашему, — только в заведомо извращённой, противоестественной форме! И ничего больше — трах!

МАРК. Не скажи. У них, дорогой мой, тоже чувства и, как говорят, едва ли не более возвышенные, чем у нас.

МИХАИЛ. Кто говорит? Они сами? Гомики?

МАРК. А тебе, конечно, известно, что среди них попадаются, в общем-то, далеко не самые худшие люди?

МИХАИЛ. Людей нашёл! Уроды!

МАРК. Чайковский, Оскар Уайльд, Нежинский... Да я тебе сотни имён назову! Тысячи!

МИХАИЛ. Чайковского не тронь, — не доказано. И он себя скромно вёл, не похабничал. А что касается других-прочих, то я тебе так скажу: «Наказал Господь Бог — терпи! Значит, отказано тебе в этом. Ничего страшного — не воздух, не вода, не хлеб. От воздержания ещё никто не умирал. Верно? Вот и живи в целостности и сохранности — чем плохо? Монахи живут и — ничего! И девственницы лишь от глубокой старости умирают. И ты живи. Пиши, пой, танцуй! Кто тебе запрещает? Но они же, Марик, блюсти себя не хотят, терпеть-то наказание Господнее им не хочется! Им же трахаться подавай. Трахаться, Марик, только и всего-то! А шуму из-за этого сколько?

МАРК. Действительно. Разрешили бы им трахаться, как они хотят, и никакого шума давно бы уже не было!

МИХАИЛ. Был бы, Марик, и даже ещё больший! Они ведь чего добиваются? Чтобы содомский грех в закон возвели, в норму! Им же под одеялом трахаться скучно, они на миру хотят красоваться! Чтобы все упивались их любовью, завидовали, восторгались, следовали их примеру! Ты же сам говоришь — у них возвышеннее! А откуда ты про это знаешь, что возвышеннее? Только от них! Сам же ты этого не пробовал!

МАРК. Если честно сознаться, то даже и не пытался!

МИХАИЛ. Вот видишь! А завидовать им уже стал. И меня в их ряды толкаешь!

МАРК. Да ничего подобного! Я просто заметил, что реакция у тебя несколько странная... для взрослого, скажем так, дяди. Видения опять-таки, марширующие голые роты...

МИХАИЛ. Не было никаких голых рот. То есть на медосмотрах, конечно, были, не без этого... Но чтобы голыми маршировали!.. Зачем? Это я так, словца ради, брякнул.

МАРК. Неважно! Брякнул ты или не брякнул, главное — ты это вообразил, увидел! И действительно: голые роты с обнажёнными фаллосами наперевес... — это впечатляет!..

МИХАИЛ. Тебя впечатляют-то, не меня!

МАРК. Как это так?

МИХАИЛ. Так ты их вообразил-то, увидел, не я!

МАРК. Разве?

МИХАИЛ. Конечно! Ты у нас — Айвазовский!

МАРК. Тогда уж я Рубенс!

МИХАИЛ. Значит, кто из нас заблокированный?

МАРК. Ну уж это точно не я! Дорогой мой, да если бы я был гомиком, я бы тебе обязательно признался! Ведь своего еврейства я от тебя не скрыл, верно? Хотя мог бы, легко!

МИХАИЛ. Не мог бы. Я как тебя на свету увидел, так сразу признал, — Маркелыч фотку твою показывал... где вы с ним у бани... в обнимку...

МАРК. Зачем же тогда к стенке ставил? Обыскивал?

МИХАИЛ. Зачем? Для порядка!

МАРК. Для порядка, или же, всё-таки, для удовольствия?

МИХАИЛ. Какого ещё удовольствия?

МАРК. Ну раком же ставил-то! — ни как-нибудь!

МИХАИЛ. Опять?

МАРК. Что опять? Ставил же!

МИХАИЛ. Всех так ставят. Как же ещё-то?..

МАРК. Да никак!.. узнал если!..

МИХАИЛ. Ну ладно тебе... проехали ведь уже!.. Извиняюсь!..

МАРК. Извиняюсь! Между прочим, так некультурно говорить — извиняюсь, надо: извините!

МИХАИЛ. Спасибо за науку. Хавать хочешь?

МАРК. В каком смысле?

МИХАИЛ. В смысле — пожуюшь что-нибудь? Ты ж голодный, небось, аки зверь лютый?

МАРК. Ну... не так, чтобы как зверь...

МИХАИЛ. Но барана бы съел! Барана, естественно, не обещаю, а вот жаренной картошечкой со свинными хрящиками угощу! Ты как насчёт хрящиков? Твоя вера свинину тебе не запрещает?

МАРК. Моя вера мне ничего не запрещает. Я, если хочешь знать, не только обрезанный, но ещё и крещённый.

МИХАИЛ. Как так?

МАРК. Да очень просто. Бабка по отцу взяла да окрестила. И тоже, заметь, во младенчестве!

МИХАИЛ. Молодца бабка-то, спроворилась! А что же делать, если русские!.. И как же ты теперь?.. В Христа веруешь или в Иуду?

МАРК. В Иуду никто не верует.

МИХАИЛ. Ну — в иудаизм? Одного корня зараза-то!

МАРК. Слушай: чего ты от меня хочешь, а?

МИХАИЛ. Ничего. Общаюсь просто, разговариваю!..

МАРК. Достал ты меня своими разговорами идиотскими. Надоело!

МИХАИЛ. Да ради Бога, Марик! Хотя, если тебя это цепляет, значит еврейского в тебе ещё много!

МАРК. Всё сказал?

МИХАИЛ. Ты, главное, не переживай, избавишься помаленьку!.. Потопчешься тут среди нас, послушаешь...

МАРК. Невозможный человек. Садист просто. Измыватель!

МИХАИЛ. О, взвился! А что я такого сказал? Что еврейства в тебе ещё многовато? Так это чистая правда.

МАРК. Замолчи! Или я за себя не отвечаю.

МИХАИЛ (*не сразу*). На правду обижаться глупо. Сделали тебе верное замечание — возьми не заметку.

МАРК. Майор, блин!..

МИХАИЛ. Ну ладно: молчу, молчу! Иди лучше к столу... Готово!

МАРК. После таких слов!..

МИХАИЛ. Каких ещё слов? Не выдумывай! Садись! Всё своё, всё кошёрное.

МАРК (*невольно смеясь*). Ну вот кто ты после этого? Не идиот, скажешь?

МИХАИЛ. Может, и идиот... из романа Достоевского.

МАРК. Идиотище!.. Всё: не обращаю на тебя больше внимания! Что хочешь, то и говори. Мне — по фигу! (*Идёт к столу.*)

МИХАИЛ. Пофигистом решил заделаться? Давай попробуй... Ну (*обводит стол рукой*), что скажешь, пофигист?

МАРК. Ни фи́га себе! А всё стонешь, плохо живёшь... Олигархам завидуешь!

МИХАИЛ. Я-то им как раз не завидую — несчастные люди!.. Тебе картошки в тарелку сыпануть или прямо со сковородки метать будешь?

МАРК. В тарелку, конечно... если можно...

МИХАИЛ. Дело твоё. Со сковородки, вроде, вкуснее... погорячее...

МАРК. Кажется, и есть не хотел, а тут даже слюнки потекли!..

МИХАИЛ. Ещё бы не потекли!.. Все своё, всё с огорода! Капуська, огурчики... Ну, грибы с клюквой, конечно, из лесу...

МАРК. А рыбка? С озера?

МИХАИЛ. С него, родимого!

МАРК. А я ведь тоже однажды леща здесь поймал!

МИХАИЛ. Да что ты говоришь? Ну, хватай теперь ещё и этого! Начинай! С Богом! *(Приступает к еде.)*

МАРК. Подожди!.. А по рюмашке-то?.. Не пропустим?

МИХАИЛ. Извини, алкоголя в доме не держим. У нас тут — сухой закон.

МАРК. Да ладно тебе! Что за глупость?

МИХАИЛ. Никакая не глупость, а наоборот. Говорю же тебе: не пьём мы! Командир с ребятами вообще грамма не берут, ну, и я заодно придерживаюсь.

МАРК. Да как же под такую закуску и не выпить? Это уж совсем не русским надо быть!.. Нет, ты уж как хочешь, а мне позволь!..

МИХАИЛ. Да нет же говорю тебе! Не держу я! Чтоб соблазна не было. Им-то хорошо, ребятам, они по какой-то там методе научной избавлялись, курсы специальные прошли по освобождению от вредных привычек, а я!.. Это ж надо было десять дён подряд в Москву мотаться... на курсы-то, — а я, как могу? — караул же на мне!

МАРК. Что за караул?

МИХАИЛ. Так мы здесь охраняем участки-то, мужики местные, аборигены! Я, вроде, за старшего у них — начальник караула!

МАРК. Ну?

МИХАИЛ. Что ну?

МАРК. Выпить-то тебе можно или нет?.. в свободное от работы время?.. Ты же, говоришь, не закодировался?

МИХАИЛ. Я-то не закодировался... И они нет! В том-то и дело, что курсы специальные — никаких тебе ни кодировок, ни вшиваний! — десять дней отзанимался, лекции послушал — и всё, как отрезало! Больше уже отравляться не будешь... этим... как его?.. протоплазматическим ядом нервно-паралитического действия. Во как! Запомнил!

МАРК. Молодец! Ну а я, пока меня тоже не закодировали, стакашку этого протоплазматического яда уж точно пропущу!.. Не я буду!..

МИХАИЛ. Опять он туда!.. Да нет же, говорю, у меня, нет! Ты что, не слышишь?

МАРК. Слышу. У тебя — нет. Но у меня-то есть!

Идёт к портфелю, достаёт бутылку, ставит на стол.

МАРК. Узнаёшь, родную?

МИХАИЛ. Ну ты даёшь!.. Столичная!

МАРК. Кто же в деревню без бутылки едет? *(Садится.)* Думал, Маркелыча угостить.

МИХАИЛ. Да он уж наугощался... царствие ему небесное...

МАРК. Вот и давай помянём!.. *(Берётся за бутылку.)* Хотя и предал он меня... *(Откручивает пробку.)* Стаканы-то дашь? Или так сидеть будешь?

МИХАИЛ *(вставая)*. Картошка теперь вся остынет!.. *(Находит и ставит два стакана.)* Только я это... наверно, не буду я... А?..

МАРК. Командира боишься? *(Наливает в стаканы.)* Не бойся, — не продам! *(Поднимает стакан.)* Ну, за Маркелыча!

МИХАИЛ. Ещё и доверху налил!.. *(Тянет стакан.)* Не пролить бы!

МАРК. Маркелыч иной дозы не признавал. Жизнь, говорил, будет неполная!

МИХАИЛ. Вот и скопытился раньше времени! Ладно! Пусть земля ему будет пухом!

МАРК. Пусть!

Выпивают, закусывают, охают и причмокивают от удовольствия.

МАРК. Ну а теперь — за знакомство!.. *(Тянется за бутылкой.)*

МИХАИЛ. Только по полному не наливай! Хотя, что это я?.. Там по полному-то и не будет. Эй! А почему всё в мой-то льёшь? Почему мне?.. одному?..

МАРК. Спойть тебя хочу! Комплекс неполноценности вселить не удалось, теперь вот спойть пробую!

МИХАИЛ. Нет, так не пойдёт! Поровну давай! *(Тянется, отлить в стакан МАРКА.)*

МАРК. Отставить, майор! Смирно! *(Достаёт из портфеля ещё одну бутылку, ставит на стол.)* А теперь — вольно!

МИХАИЛ. Ну, Марик!.. Ты и фокусмен!

МАРК. А ты, думаешь, мы пальцем деланные? Не соображаем что к чему? Не хуже вашего соображаем. Фокусмен! Сам придумал?

МИХАИЛ. Да соскочило как-то... Супермен, хотел сказать...

МАРК. Соскочило лучше. *(Разливает.)* Какой я супермен?

МИХАИЛ. Как бы не поплыть... Две ночи не спал... да и не отравлялся уж давно!..

МАРК. Ты же дома! Чего бояться?

МИХАИЛ. Вот что значит курсов-то не прошёл... Не выдержал! Но больше не будем! Сегодня, так и быть уж, выпьем, а с завтрашнего дня — опять сухой закон! Железно! Договорились?

МАРК. До завтра ещё дожить надо.

МИХАИЛ. Доживём! Мы с тобой, знаешь, как заживём?

МАРК. Умирать не надо.

МИХАИЛ. Умирать нам рановато... Мы ж только что встретились, Марик!

МАРК. Тогда, значит, за нас!

МИХАИЛ. За дружбу! Чтоб ты, брат Федот, стал настоящим Марком, — нашим, русским!

МАРК. Опять поехал! Не стану я антисемитом, как не старайся!

МИХАИЛ. Станешь! Куда ты денешься? За тебя!

МАРК. И ты будь здоров!

Опустошают стаканы, закусывают.

МИХАИЛ. Что-то ты слабо рубаешь? Не голодный, что ль? Ешь! *(Подкладывает на тарелку.)*

МАРК. Куда ты столько? Спасибо!

МИХАИЛ. Ешь-ешь, не стесняйся! А то закосеешь быстро.

МАРК. Да меня что-то не взяло вовсе. Даже удивительно! Перенервничал, что ли?..

МИХАИЛ. Ещё бы не перенервничать...

МАРК. Главное, искал долго... Всё же изменилось здесь... Замёрз! А нашёл — руки верх говорят, в гору!

МИХАИЛ. А слышу, кто-то ходит... На снегу-то хорошо слышать... Спал уже...

МАРК. Я же ночевать-то здесь и не думал... Приехал взглянуть только, как и что?..

МИХАИЛ. Вот и взглянул... Ничего!.. Устроились, договорились!.. А бани твоей точно бы уже не стояло, бревна бы не осталось!

МАРК. Да я и сам так думаю... С нашим народом, да чтоб стояло!..

МИХАИЛ. Что ты? Восемь лет прошло!.. *(Гладит себя по животу.)* Вроде и яд, а действует неплохо!

МАРК. Добавки просишь? *(Переставляет бутылку к МИХАИЛУ.)* Сам командуй!

С этой минуты МИХАИЛ и МАРК становятся пьяными, и читателю и актёрам следует представлять их в этом виде, с каждой минутой становящимся всё более и более неприглядным.

МИХАИЛ. Лошадей гнать не будем. Хочется посидеть, поговорить. С писателем. Ты не против?

МАРК. Ну а почему же я должен быть против? Наоборот! Писатель — весь внимание.

МИХАИЛ. Только, чур, не обижаться. Договорились?

МАРК. Начало многообещающее.

МИХАИЛ. Я не про евреев, не бойся... Про книгу твою... Нужна ли она России?

МАРК. Во как! Вопрос, конечно, интересный!..

МИХАИЛ. А ответ отрицательный: не нужна, Марик, не нужна!

МАРК. Это ты так решил или Центральный Комитет Соколястической Партии? Так я ни ему, ни тебе не подчиняюсь!

МИХАИЛ. В бутылку не лезь! Давай разберёмся! Или ты не хочешь?

МАРК. Главное — ты хочешь! Ну, давай-давай, излагай свои установки!

МИХАИЛ. Ну, посуди сам — нового ты ничего не откроешь. Это ясно. Ну, подставили тебя, разорился!.. А кого нынче не подставили, кого не разорили? Тем более что книги вообще не должны продаваться!

МАРК. Как это так?

МИХАИЛ. А вот так! Бесплатными должны быть, как в библиотеке — приходи и читай, с собой уноси, если надо...

МАРК. Я что-то не врублюсь, к чему ты клонишь?

МИХАИЛ. А к тому, что не нужны нам миллионеры, Марик. Ты вспомни только, как мы без них-то расчудесно жили! Какая здесь у нас усадьба цвела! Какой совхоз шумел! Вот он, кстати, был миллионером. И это было хорошо, замечательно даже! А когда ты или я миллионеры — это совсем не замечательно, это очень и очень скверно!

МАРК. Почему же скверно? По-моему, наоборот!

МИХАИЛ. Вот такую ты и книгу напишешь — неумную! Почему я не стал миллионером? Да потому, что афера не удалась. Удалась бы, спекульнул бы, как планировал, контрафактом и — в дамках! Вот и весь рецепт! Или ограбь, или обмани — другого же нету! Во всяком случае, тебе, писатель Марк Семёнович, он, как я вижу, пока неизвестен!

МАРК. А тебе известен, умный такой!

МИХАИЛ. Представь себе, да! Вот ты говоришь, нельзя жить по справедливости. А почему нельзя-то? Можно! Если правильно жизнь устроить! Человеку ведь много не нужно!

МАРК. Ну, это смотря какому человеку!..

МИХАИЛ. Да любому! Если он нормальный, конечно. Давай по граммочке!.. *(Чокаются, выпивают.)* Мы, как живём-то? Эгоистически! «Я! Моё! Мне!» А наше? Наше-то — почему не подходит? Всё общее — земля, леса, вода, энергоресурсы! Чем плохо?

МАРК. В коммунизм зовёте, товарищ? Нэ надо!

МИХАИЛ. Надо! В том-то и дело, что надо! Только не по коммунистически нужно жить, а по божески! Бог — прежде всего! И чтобы не по букве

Бог-то, а по духу! Христианин? — так снимай с себя последнюю рубашку, делись с ближним своим!

МАРК. А с дальним?

МИХАИЛ. Закон принять! Всем миром! На референдуме! И чтобы ни один президент, ни одно правительство не смели, не могли его нарушить! Ни под каким видом! А весь закон, Марик, — всего-навсего одна статья. Она первая, она же и последняя: «Детям, инвалидам, пенсионерам — всё самое лучшее и в первую очередь!» Без разговоров! Чтобы ни в чём недостатка не испытывали! Играли, учились, лечились, отдыхали, всё — по полной программе! Культурно-полезной, конечно. Ну а молодые, здоровые, сильные — трудись, вкалывай на благо общества! Счастливое детство у вас уже было, достойная старость впереди обеспечена — глотки друг другу рвать незачем! Работайте! И всё у вас тоже будет! Земля-то у нас богатая! Ты посмотри: сколько её не грабят, а ведь живём!

МАРК. Хлеб жуём.

МИХАИЛ. Подрезать ещё хлеба-то? Ты не стесняйся, сам бери, не ленись!.. А то, что у нас получается: здоровое население, — трудоспособное, я имею в виду, сначала себе дворцы-кабинеты возводят, банки, мать их так, увеселительные заведения всякие, чтоб похабщину разводиться! — а дети, старики, инвалиды! — жалкими остатками довольствуются! На них, видите ли, у государства денег не хватает! Это что же за государство? В нормальной семье может такое быть? Чтобы родители жировали от пуза, а дети и старики на голодном пайке сидели? Не может! И в государстве не должно! Ни при каких обстоятельствах! Поэтому *(ударяет кулаком по столу)* — закон, единый и нерушимый: сначала — больным, старикам, детям, потом — себе! Ну и, конечно, воспитывать надо соответствующе, с воспитания ведь всё и начинается... Марк!.. Ты плачешь, что ли, блин такой?

МАРК *(вытирает слёзы)*. Дочку вспомнил... Как я ей волосы перед сном расчёсывал... каждый день, с самого детства... Чудесные волосы!.. *(Тянется за стаканом.)* За детей наших!.. У тебя сын, говоришь?

МИХАИЛ. Имеется... балбес!..

МАРК. Не называй его так. Прошу! Он же — твой сын, ребёнок! *(Чокается.)* Пусть они будут счастливее нас!

МИХАИЛ. Жизнь надо нормальную строить, для всех, тогда и будут счастливы! *(Опустошает стакан.)*

МАРК. Ничего! Мне бы только до осени здесь продержаться... Хотя ты, конечно, прав: книга — это не то!.. Какой там к хренам бестселлер! Кому он нужен? Из серии «Не могу молчать»... Я в друзьях-то, казалось бы, лучших, понимания не, встретил, должного сочувствия не нашёл, — «ну, разорился, бывает!»... А некоторые даже и рады были, — я по глазам видел, — что сровнялся с ними, на их уровень упал, а может, и ниже... Нет-нет, я никого не виню, не обижаюсь!.. Ты прав: хотел в дамки вымахнуть!.. А это бизнес...

Первый закон гласит: «Не расслабляйся, иначе поимеют!»... Меня и поимели, как поца последнего!.. А книга — ты прав, — книга погоды не сделает! Имени нет, ничего нет!.. Другое нужно изыскивать, другое!

МИХАИЛ. Не нужно ничего изыскивать! Напиши про то, про что я тебе говорю, как правильную жизнь устроить, и люди спасибо скажут!

МАРК. Кампанелла ты мой! Томас Моор! Не говоря уж о прочих Карлах Марлах. Кому нужна твоя справедливость? Олигархам, богачам?

МИХАИЛ. Народ надо поднимать!

МАРК. Куда? Опять на восстание? В революцию? Это уж, пожалуйста, без меня!

МИХАИЛ. А почему без тебя? Отсидеться хочешь, в стороне остаться?

МАРК. Не в стороне, а хоть бы и в другой стране! Хватит, я у Белого Дома в девяносто первом флагами уже намахался!

МИХАИЛ. Чужой ты всё-таки человек, Марик! Чужая у тебя психология!

МАРК. Вот только не надо ля-ля-тополя! Умоляю! Можно подумать, у вас психология лучше. Такая же! Как и у всех! Все одним миррам мазаны! Лишь бы заграбастать да хапнуть побольше, что у соседа плохо лежит!

МИХАИЛ. На меня намекаешь?

МАРК. Да хоть бы и на тебя! Ведь знаешь же, что нечестно со мной поступил, и мне же о справедливости мозги паришь!

МИХАИЛ. Я же объяснил тебе!.. Спальню свою выделил — живи, пиши!

МАРК. А может, мне тошно жить в твоей выделенной спальне? Может, я лучше бы в бане своей разрушенной поселился и был бы счастлив? Тебе такое в голову не приходит?

МИХАИЛ. Вот сейчас нарочно баню, блин, отопру и на ночь тебя туда отправлю — без дров!

МАРК. Ну и что ты этим докажешь? Ну, ещё разочек поиздеваешься над человеком... А толку? Факт останется фактом — заграбастал!

МИХАИЛ. Я ж тебе объяснял... Куда нам деваться-то? Озеро перекрыли... Тебя нет... Ну и воспользовались, да! Но другого выхода же не было!

МАРК. А мне что прикажешь делать? Почему я должен за всех отвечать? Ну, баня, ладно, — действительно, растащили бы... Но я бы сейчас участок свой, скажем, продал и, глядишь, перекрутился бы как-нибудь... Землица-то, небось, вздорожала здесь за эти годы!.. Кстати, почём нынче за сотку просят?

МИХАИЛ. Скажу, ты и расстроишься.

МАРК. Да будет тебе! Чего уж!.. Документы, говоришь, оформлены... Правда, почему-то показывать их не хочешь... Почему?

МИХАИЛ. Опять за своё! Марик, дорогуша, у нас здесь база, общинно-родовой, можно сказать, строй... Всё налажено, всё общее. Живи! Пользуйся! Тебя же приняли! Как своего...

МАРК. Федота! Да ладно! Называйте, как хотите, я не против... Другое дело: что мне тут делать теперь? Я же книгу писать хотел, а теперь... Что мне здесь сидеть-то? Не имеет смысла.

МИХАИЛ. Уедешь? Не останешься?

МАРК. Обрадовался! Пока документы не проверю, не уеду! Так и знай!

МИХАИЛ. Ну вот!..

МАРК. Что ну вот? Чего тебе беспокоиться, если всё у тебя в порядке?

МИХАИЛ. А если не в порядке? Нет, это я так просто спрашиваю, на всякий пожарный... ты не подумай!..

МАРК. А и не думаю, я знаю! Нет у тебя никаких документов! Ведь нет же, нет?

МИХАИЛ. Ну как это нет! Такого быть не может, чтоб не было! Есть!

МАРК. Ох, и врешь, майор! Как сивый мерин врешь! А врать-то ты не больно умеешь...

МИХАИЛ. Вообще не умею! Ну так... маненечко если когда...

МАРК. Маненечко! Всё равно ведь узнаю... В сельсовет схожу...

МИХАИЛ. Это наша земля, Марик... Мы на ней стоим и стоять будем!

МАРК. Это что, программное заявление? Или тост?

МИХАИЛ. Тост! *(Поднимает стакан.)* За Россию, за Русь-матушку!

МАРК. И за мой участок, присоединённый к вашей Руси-матушке!

МИХАИЛ. Вот именно сказал — присоединённый! *(Отводит стакан.)*

А ты неглупый человек, Марик, не дурак!

МАРК. Неужели рассмотрел? Вот здорово!

МИХАИЛ. Давай, поцелуемся?

МАРК. Как гомики?

МИХАИЛ. Дурак! Как братья!

МАРК. Как братья — давай! Подожди! Сначала выпить надо... на брудершафт...

МИХАИЛ. Без брудершафта давай... На хрен он нам нужен!

Встают, чокаются, пьют, целуются, хлопают друг друга по плечам, садятся.

МАРК. А насчёт документов я завтра узнаю! *(Азартно.)* Да что там завтра — сейчас! Устроим проверку на вшивость... Смотри, майор: если не соврешь — твой будет участок, клянусь! Соврешь, пеняй на себя! Согласен?

МИХАИЛ. А что я должен делать?

МАРК. Отвечать. Есть документы?

МИХАИЛ. Постановление Правления есть. Обязательно!

МАРК. А ничего другого больше нет, не сделано! Так?

Смотрит пытливо.

МИХАИЛ. Марик!..

МАРК. То есть как всегда — постановление приняли, а исполнить не исполнили! Так?

МИХАИЛ. Заявление отнесли... Маркелыч отнёс... Всё путём, говорил, будет.

МАРК. А сам откинулся! Ну, Маркелыч, друг!.. И печку не переложил!..

МИХАИЛ. Давай, помянем?

МАРК. Да поминали уже! Мне, вообще, наверно, хватит... Не буду больше!

МИХАИЛ. Ну допить-то надо! Нельзя ж оставлять... *(Тянется к бутылке.)* Тут и осталось-то всего ничего... на один разочек...

МАРК. Оставь на опохмелку!

МИХАИЛ. Какой?! Завтра сухой закон — ни грамму больше! *(Разливает по стаканам.)*

МАРК. Зарекалась свинья... *(Кривится.)* Что-то, вроде, мутит меня, неплохо как-то?..

МИХАИЛ. Санузел — там!

МАРК. На воздух выйду. Подышу!

Идёт к выходу, по пути одевает пальто.

МИХАИЛ. Ну подыши, подыши! А я пока выпью... Не возражаешь? *(Тянет из стакана.)*

МАРК. Да хоть залейся! У меня ещё есть.

Уходит.

МИХАИЛ. Водка? В портфеле?

Поднимается. Не веря, заглядывает в портфель, вынимает бутылку.

МИХАИЛ. Ну, Марик, в натуре!.. Это же много, перебор!

Кладёт бутылку обратно, возвращается к столу и отяжелело сидит, то ли борясь со сном, то ли засыпая. Теряет равновесие, встряхивается и, нетвёрдо ступая, уходит в санузел.

Почти тотчас же в дом врывается возбуждённый и пьяный МАРК.

МАРК. Майор! *(Снимает и бросает пальто)*. Михаил! Михайло! Миша! Ты куда подевался? Спать ушёл, что ли?

Поднимается наверх, хлопает там дверями, появляется на ступенях.

МАРК. Где же ты, Миня?

Из санузла выходит МИХАИЛ. Замечает брошенное пальто, поднимает, водворяет на вешалку.

МИХАИЛ. Вещи вешать надо. И кровать заставлю заправлять... как положено!

МАРК. Вот ты где!.. *(Устремляется вниз.)* Эврика! Брависсимо! Bravo!

МИХАИЛ. Слыхал, что я сказал? Как положено! Без разговоров!

МАРК. Да подожди ты со своим положено! Тут такие дела... У меня план родился! Гениальный!

МИХАИЛ. Я без тебя выпил. *(Садится за стол.)*

МАРК. Да ради Бога! У меня же ещё есть! *(Достаёт бутылку, водворяет на стол.)* Видишь? *(Садится.)* А теперь слушай меня внимательно! Мы в полном порядке будем, клянусь! По самые рыла в шоколаде!

МИХАИЛ *(указывает на стакан МАРКА)*. Выпей сперва... долю свою...

МАРК. Я выпью, выпью!.. С тобой вместе выпью! Расскажу!..

МИХАИЛ *(поднимает и опрокидывает свой стакан)*. У меня — нет.

МАРК. Нет, так будет! У нас всё будет, майор! *(Открывает бутылку, наливает.)* Вы — такие дундуки здесь, сидите, стонете — Россия гибнет, караул!..

МИХАИЛ. Это много.

МАРК. Да плевать! Много не мало... Выпьешь! Но послушай же, в конце концов! Одно слово только скажу и ты сразу врубись... Рыбалка! Русская рыбалка! Понимаешь?

МИХАИЛ. Рыбалку понимаю, русскую — тоже. *(Ласково.)* Давай выпьем! *(Тянется к стакану.)* За рыбалку русскую!

МАРК. Э, да ты запойный, Парамоша!.. Ну давай!.. *(Чокается.)* За мой план!

МИХАИЛ *(кивает, несёт стакан ко рту, останавливается)*. Я ж его не знаю!

МАРК *(содрогаясь от выпитого)*. Ты ж рассказать не даёшь... Пей! За Россию свою!

МИХАИЛ. За Россию выпью... Хотя командир запрещает... Нельзя, говорит, Россию пропивать, стыдно. Правильно, конечно... *(Выдыхает и тянет из стакана.)*

МАРК. Да пошёл он, твой командир! Командир нашёлся! Мы сами здесь командирами станем!

МИХАИЛ *(ставя стакан)*. Не надо так говорить.

МАРК. Только так и надо! Ты слушать готов?

МИХАИЛ. Я всегда готов.

МАРК. Ну так слушай же! Что мы сейчас имеем? Два спаренных участка. С моего — шикарный выход к озеру. Понимаешь, что из этого следует? Нет? Эх ты, шлимазел! Коротко объясняю: ставим на дороге рекламные щиты, — трёх-четырёх-пяти вполне достаточно, — и всё! все рыбаки наши! Тут им и рыбная ловля, и русская баня, и уха костровая!.. Отпад! Красотухес! Можно даже летние домики потом понатыкать... чтоб ночевать где... Представляешь, какой сервис? Рыбалка на утренней зорьке! Туман над водичкой! Солнце встаёт! Майор! Да к нам рыбаки валом попрут, валом!

МИХАИЛ. Не попрут.

МАРК. Почему это?

МИХАИЛ. Нам этого не надо. Тут у нас база. Русских соколов!

МАРК. Да какая может быть база? Я тебе дело говорю! На чём деньги нужно делать! А ты — какая-то база, русские соколы, орлы, куропатки!.. Перебьются твои соколы!

МИХАИЛ. Не перебьются. Это судьба, Марик, моя судьба! Я это сразу понял, когда соколы здесь объявились... Ходили место под базу искали... С командиром минуту поговорил... не ищите, говорю, нашли вы нужное место, и я вас нашёл, слава Богу! *(Повышает голос.)* У меня снова жизнь озарилась, я в ней смысл увидал — есть ещё русские люди, не перевелись! А ты — сервис!.. Ты хоть понял, кто я такой, с кем ты разговариваешь? Ты с майором Шибановым разговариваешь! Да, не воевал, не участвовал, врать не стану! Но я, Марик, умирать готовился! В любой момент, в любую секунду! Приказ! — и... Ты готов умереть за Родину? Я тебя спрашиваю: готов? Отвечай!

МАРК. Я даже на такой вопрос отвечать не готов, не только что умирать!

МИХАИЛ. А я готов! В любую минуту. За Родину!..

МАРК. Даже за такую, какая она сейчас?

МИХАИЛ. А какая она сейчас? Россия — всегда Россия. Какой бы ни была... Суть-то у неё одна — православная! Вот за неё мы и пойдём умирать. *(Встаёт.)* Да от нас, может, всё и зачнётся! Восстанет Россия на врагов своих! Это они, которых я тут охраняю, думают, что добро их стерегу. Стерегу! До поры до времени. А как придёт наш черёд, ни одна сволочь через меня здесь не перескочит, ни один гад не ускользнёт! *(Садится.)* Караульщика нашли! Покараулю! До поры до времени.

МАРК. Миша, это же маразм! Вы что задумали? У вас здесь, может, и оружие припрятано? Смотри! Тебя же посадят, дурня! Спецназовцев при-

шлют, они вам такой шмон здесь устроят! Миша! Тебе это надо? У нас же выход к озеру! С моего участка... Но я тебя беру, приглашаю!.. Разумеется, без этих, русских соколов... Гони ты их!.. Ты ж нормальный мужик... сильный!.. Зачем тебе этот глупый нацизм? Это тупик. Все люди — люди!

МИХАИЛ. А ты — не нацист?

МАРК. Я? Разумеется, нет! Это же постыдно! Омерзительно!

МИХАИЛ (*утвердительно*). А денег хочешь!

МАРК. Каких денег?

МИХАИЛ. Ну вот дали бы тебе миллион... баксов, конечно... Взял бы?

МАРК. Конечно, взял бы! Хотя, смотря за что, разумеется...

МИХАИЛ. При одном условии... Превратишься в негра... Согласен? За миллион — в негра?

МАРК. Что за бред?!

МИХАИЛ. Значит — нацист! (*Громко смеётся.*) Раз не хочешь в чёрного превращаться!..

МАРК. Э, э, развеселился! Смешно-то как!.. Ему о деле... Значит, так: твоё участие, в принципе, не обязательно. Не хочешь — как хочешь! Но с участком моим можешь распрощаться. Извини, дорогой, но такие подарки мне не по карману. Тем паче — русским воронам!

МИХАИЛ. Марик!

МАРК. Что, Марик?

МИХАИЛ. Не надо так говорить — нехорошо.

МАРК. Конечно — вороны! Накинулись!.. Баня стоит... капитальное строение... Хозяин не едет. А кто он, хозяин-то? Марк Семёнович. Еврей? Ну тогда что раздумывать? Грабь жида, спасай Россию!..

МИХАИЛ. Я ж тебя принял... как человека...

МАРК. Как человека? А раком меня, кто к стенке? Не ты?.. Хотя и знал уже, кто я и что я! Удовольствие получал?

МИХАИЛ. Ну, какое удовольствие? Опять ты... за эту тему?..

МАРК. Не за эту! Ты от издевательств кайф ловишь! Шуточки у него — в негра превратишься! Ни в кого я не превращусь: я — еврей!

МИХАИЛ. А папа?.. Если он, конечно, взаправду практически русский... Семён Абрамович, блин...

МАРК. Во-первых, Аронович. А во-вторых, с вами русским разве станешь? Даже если и захочешь?.. Если тебя Марком зовут, если отчество твоё Аронович...

МИХАИЛ. Семёнович... А-а-а! сам забыл! А я помню!.. Семёнович твоё отчество.

МАРК. Нажрался! Ястреб русский!

МИХАИЛ. А кто меня напоил? Я говорил: ребята курсы прошли, освободились, а я сам, силой воли... А тут ты приехал... С рыбалкой пристаёшь. У нас тут своя рыбалка, не для чужих! Чужие здесь не ходят!

МАРК. И белых лебедей не стреляют! Всё, мой друг, кончилась ваша рыбалка. Я костями тут лягу, а участок свой у вас вырву. Да и вырывать нечего, он и без того мой, по всем документам, справкам, квитанциям... А Постановление вашего бредового правления — ерунда! Никакой силой не обладает.

МИХАИЛ. И откуда ты только взялся? Сидел бы в своём Израиле!..

МАРК. Не был я в Израиле! И в Америке не был! Я в вашей сраной России родился, как и ты, и всю жизнь свою сижу тут, и пашу, как папа Карло, а получаю лишь одни подзатыльники от всяких буратин типа тебя! И нечего меня попрекать еврейством! Евреи — великая нация!

МИХАИЛ. А кто спорит? Всё захватили, всё! Дыхнуть негде! Прямо беда!

МАРК. Беда! Беда — вы, а не евреи! Им выживать надо было, они и выжили! И живут! И всё имеют! И будут иметь! Всегда! Потому что они в тысячи раз умнее вас! Деятельнее! Организованнее! Не знаю я про евреев! Знаю! И такого могу порассказать, что тебе даже и во сне не снилось!

МИХАИЛ. Расскажи! Только давай выпьем сначала...

МАРК. Пей! Я с тобой отпился!.. Хотя это и моя водка... Любите на халяву! Только подавай! Участки, бани готовые!.. *(По мере словесной эскапады, Марк от стола переходит к кровати, ложится поверх одеяла.)* Живёте здесь, ни хрена не делаете, жалуетесь только, что притесняют вас, дышать не дают, а я приехал — вечера не прошло! — и вот уже и дело! И какое? Русская рыбалка, баня! Да если с умом развернуться!.. Рекламу дать! Щиты, растяжки... Телевидение, конечно, не потянем пока, но радио — вполне... В Интернете сайт наладить!.. Да Боже ж ты мой! Отбоя от желающих не будет. Ещё и по записи принимать придётся... Рыбаки — это ж такой народ, вон даже на Москве-реке с удочками стоят, в зачумленных водоёмах какую-то гадость ловят!.. неизвестно зачем, правда... А здесь, в красоте этой, да в рыбном озере! С русской баней, с ухой настоящей — на костре! Да это же ни с чем не сравнимое удовольствие, особенно для любителей природы! Разве тут место для базы, для какого-то антисемитского сброда? Тут деньги надо рубить со страшной силой, бабульки, бабочки ловить! А вы? Соколы! Какого-нибудь несчастного кавказца замочат в сортире, студентика какого-нибудь африканского прибьют и — соколы они русские! Да мразь вы после этого сраная, даже не вороны! Евреи вам мешают! Их осталось-то всего ничего в России вашей, а вы всё никак не успокоитесь. Да, если бы не евреи, вы бы так и сидели в своём дерьме вонючем, задохались бы в испражнениях своих! Русские! Я, может быть, больше тебя русский! Ты «Евгения Онегина» наизусть знаешь? Или хотя бы до конца дочитал когда-нибудь «Войну и мир», или «Обрыв» Гончарова? Антисемитские книжки он мне рекомендует! Ты сначала родную азбуку выучи, майор! Ругаться он в доме запрещает, а у самого изо рта жабы выпрыгивают! Хавать хочешь?! *(Приподнимается, смотрит на МИХАИЛА, который, пропустив очередной стакан, кажется*

уже почти неменяемым.) Мычишь, водяры халявной нажравшись? Вот и мычи! И жри свою ханку до усрачки! С утра тебе местной водяры ящик подкину, денег не пожалею, ты до своего сельсовета вовек не доползёшь. Алкаши позорные! Вам дело предлагаешь настоящее, а вы всё трактаты сочиняете, как вам Россию обустроить! Да не обустроите вы её никогда! И никогда нормальной жизни у вас не будет! Потому что вы сами ненормальные! Сами не знаете, чего хотите! Справедливости! Какой? Чтобы быдло и личность в одной упряжке пахали, чтобы гений и бездарь из одной кастрюли хлебали! Да не будет этого никогда! Вы — дураки, хамы и гои! А раз так, то иметь вас будут регулярно! Во все дыры! Даже в те, о которых вы сами не подозреваете. Так что приготовьтесь! Постарайтесь хоть удовольствие получить, если уж ни на что другое не способны! И жалеть вас нечего. Во всяком случае, уж я-то не стану... хотя папа у меня, — да, не скрываю! — практически русский. И я против русских ничего не имею, когда они люди... А вот когда такие, как вы!.. Ну, чего мне, скажи, пожалуйста, жалеть вас? Баню мою сохранили? Спасибо! Но для себя же сохранили, не для меня! Угол предложили — ошастливили! А я, значит, с этих пор для вас в этом углу раком стой, камаринского для вас отплясывай — я и Марик и Федот, и ни этот и ни тот! Не тот! Не на того напали, чтобы из Марков да в Федоты! Я вам здесь ещё такой шухер наведу — не сомневайтесь! Базу организовали! Умирать готовятся! Значит, и убивать! А по какому такому праву? Я тоже, может, местным олигархом стану — значит, и меня? Извините-подвиньтесь! А если бы я на своём участке, скажем, нефть обнаружил, или газовое месторождение открыл — что вы на это бы сказали? Опять вашу базу не трогать, отряд ваш каржинный? Я же не дурак, майор, не пальцем деланный! Озеро, разумеется, с нефтью не сравнишь, с газом тоже... Но что же мне отказаться от месторождения своего, олигархом тут не становиться? С вами строим шагать? Ха-ха! Не смей меня, майор! *(Приподнимается с угрозой.)* А если у вас оружие здесь, на базе этой, гранаты-пулемёты, то советую срочно сдать, добровольно, пока ещё ваши задницы целы! Даю три дня срока, и чтоб всё у меня чисто было! *(Ложится.)* Ни хрена себе подобного — на моём участке базу устроили! Революцию готовят! И не вздумай меня пугать! Не из пугливых! Нарвётесь!.. Пожалеете ещё...

МИХАИЛ, очнувшись, встаёт и, шатаясь, подходит к МАРКУ, который его совсем не замечает.

МАРК. И люди у меня найдутся и деньги! Попробуйте помешать! Я вам пасти-то позатыкаю!.. Хозяева! Земли русской! Это моя земля, моя! И баня моя!..

МИХАИЛ *(маяча над МАРКОМ)*. Ну ты!.. Заткнись лучше!..

МАРК. Не заткнись! Не заткнёте! Моя!..

МИХАИЛ выдёргивает из-под приподнявшегося МАРКА подушку и тяжело, словно бы из последних сил, обрушивается ею на его голову. Прежде чем МАРК успевает что-либо предпринять, МИХАИЛ валится-садится на подушку задом.

Неодолимый сон почти тотчас завладевает им, но бьющийся под подушкой МАРК вынуждает его удерживать равновесие, не спать.

Когда МАРК окончательно стихает, МИХАИЛ сомнамбулически поднимается. Не оглядываясь на МАРКА, идёт к столу. С прихваченной бутылкой в одной руке и волочащимся ружьём в другой, он поднимается по лестнице. Перед тем как скрыться, щёлкает на площадке выключателем.

Дом заполняется лунным светом, в котором отчётливо видны все предметы, в том числе — и белеющая наволочкой подушка над недвижным туловом МАРКА.

Из спальни раздаётся мощный, пугающе-рыкающий храп.

А спустя несколько секунд ему начинает вторить тонкий посвист Марка.

Конец